

Елена
Бриолле

ТАНЕЦ ФАВНА

Великолепный детективный
сюжет, способный удивить даже
взыскательного читателя

Месье сыщик. Тайны Прекрасной эпохи

Елена Бриолле

Танец фавна

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бриолле Е.

Танец фавна / Е. Бриолле — «Эксмо», 2023 — (Месье сыщик.
Тайны Прекрасной эпохи)

ISBN 978-5-04-193864-2

Накануне главной премьеры «русского сезона» в Париже случается страшное – убит танцовщик. Кто-то застрелил молодого человека, приняв его за Вацлава Нижинского. Но кому мог помешать талантливый артист балета? Дягилев обращается к Габриэлю Ленуару, агенту парижской префектуры полиции, чтобы он расследовал это дело втайне от публики. Однако кто-то очень хочет, чтобы премьера сорвалась, а Нижинский пострадал...
«Великолепный детективный сюжет, способный удивить даже взыскательного читателя, и накаленная до предела история про эпоху и людей в ней». – редактор Екатерина Ирмеш

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193864-2

© Бриолле Е., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Кошки-мышки	7
Глаза звериного бога	10
Мигрень	12
Хаотичная композиция	14
Кто это?	17
Хозяин	21
Бермудский треугольник на острове Сите	23
Слух на фальшивые ноты	26
Не попрыгунчик	34
Кто-то должен умереть	37
Молитва	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Бриолле

Танец фавна

Я все еще слышу гром аплодисментов, снова и снова вижу этого вымазанного гримом юношу – вот он стоит, весь в поту, и хрипит, держась одной рукою за сердце, а другой за край декорации, а то и просто бессильно обвис на стуле. Сейчас его обрызгают водой, отхлещут по щекам, встряхнут – и он снова выйдет на сцену, приветствуя зал улыбкой.

Жан Кокто

При участии «Антон Чиж Book Producing Agency»

© Бриолле Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Кошки-мышки

Париж, ночь накануне 29 мая 1912 года

Париж – город, в котором все хотели жить и никто не хотел умирать. Здесь каждый камень дышал смертью. Любители прекрасного предпочитали называть ее «историей», но Габриэль Лемуар не питал иллюзий. Там, где много истории, нет места для молодых.

Или есть? Лемуар перепрыгнул через выбоину на набережной Орфевр и посмотрел на Сену. Вода в реке волновалась, как Николь, идущая рядом. Журналистка из газеты *Le Petit Parisien* была такой же живой и непредсказуемой, как парижская река. Она могла выйти из берегов, подобно Сене, и затопить собой весь мир. Мир Лемуара.

Николь беспечно болтала о завтрашнем спектакле в театре «Шатле». Лемуар пригладил свои пышные черные усы и прижал девушку поближе. Николь пробудила в нем надежду, что жизнь хоть на краткий миг может победить холод вековых парижских камней. И пусть он не любит театр, завтра Лемуар наденет свой лучший фрак и пойдет с Николь на премьеру спектакля. Он снова заживет нормальной жизнью. Где будет молодость и тепло близкого человека.

У входа на улицу Дофина их встретила ночь. Обычно по этой узкой улочке возвращались домой только местные жители. Тусклый свет газового фонаря отражался в глазах затаившихся бездомных котов. Николь невольно поежилась от порыва ветра. Лемуар накинул на плечи своей спутницы платок – в руке отозвалась боль от недавнего ранения.

А потом они шагнули во тьму, и Лемуар услышал, как сзади по неровным камням мостовой стукнули чьи-то каблуки.

– Только приходи вовремя, я выпросила билеты через своего главного редактора. Если опоздаем, билетов мне больше не дадут. Там завтра будет весь Париж, – звенел рядом голос журналистки. Но было что-то еще. Лемуар закрыл на секунду глаза. Шаги сзади стучали так же, как туфли Николь. Ток-так, ток-так...

На узкой пустынной улице поканье каблуков звонко взлетает до последнего этажа зданий. Странно. У всех людей разная поступь. Никто не будет идти за прохожим, подстраиваясь под его темп. Если только это не... Лемуар резко остановился. Тишина.

Николь с удивлением на него посмотрела.

– Что с тобой?

Лемуар обернулся. Никого нет. Ему почудилось? Они пошли дальше. В этой части улицы сильно воняло мочой и мертвыми крысами.

– Ток-так, ток-так...

Нет, Лемуару не показалось: за ними действительно кто-то шел. И у этого человека было необыкновенное чувство ритма.

На перекрестке Лемуар подтолкнул Николь, чтобы скорее повернуть за угол.

– Что ты де... – не успела девушка опомниться, как сыщик закрыл ей рот рукой и жестом показал: «Продолжай идти дальше». Николь вытаращила на него глаза.

– Иди вперед! Быстрее!

Девушка в растерянности пошла по улице Пон-де-Лоді. Идущий за ними человек должен был слышать удаляющиеся шаги.

– Ток-так, ток-так...

Он уже близко. Оружия у Лемуара с собой не было, поэтому свободной рукой он схватил чугунный ключ от своих комнат, оставляя прорезной конец выступать на пару сантиметров наружу.

Человек вышел из-за угла и посмотрел вслед Николь. В этот момент от стены отделилась черная тень Лемуара.

– Зачем вы следите за мной, мадемуазель? – произнес он низким голосом.

Перед ним стояла растерянная девушка с пухлыми губами. От неожиданности она замерла, и ее губы приоткрылись. Где-то наверху хозяин комнаты с мансардой громко захлопнул ставни окна.

– Объяснитесь, я жду, – Ленуар не любил долго играть в кошки-мышки. Особенно когда хвостик у мышки уже прижат мышеловкой.

– Габриэль? Кто это?.. – спросила из-за спины Николь.

– Это не имеет значения, мадам, – ответила незнакомка. – Если вы не возражаете, я бы хотела поговорить с вашим спутником наедине.

– С какой стати вы хотите поговорить с ним сейчас, ночью? – Николь, как властная царица Востока, взяла сыщика под локоть и добавила: – Габриэль, кто это? Скажи ей, чтобы пришла к тебе завтра в официальные часы приема.

– Нет. Я не могу так долго ждать. Мне нужно понять, что делать дальше, – сказала девушка. При этом она, смутившись, опустила руку себе на живот и отвела глаза.

– Она ждет от тебя ребенка?! – с искренним изумлением спросила Николь.

– Ребенка? От меня? – удивился Ленуар. Ночная встреча начинала походить на фарс. – Если дело действительно важное и конфиденциальное, объясните мне, что случилось, и сейчас же.

Девушка закрыла глаза и, собираясь с духом, кивнула. Глаза же Николь, наоборот, округлились.

– Вы Габриэль Ленуар? – спросила незнакомка.

– Что вы хотели мне рассказать? – начинал злиться Ленуар.

– Это вы или нет?

– Я.

Девушка с облегчением вздохнула и поправила ворот своего летнего манто.

– Значит, я не ошиблась. Мне посоветовал обратиться к вам один художник, Александр Мансуров. Мена зовут Бронислава Нижинская, и я хотела поговорить с вами по поводу моего брата.

– Вы сестра Вацлава Нижинского?! – спросила Николь. Услышав это имя, девушка тут же преобразилась. В ее глазах сверкнуло животное любопытство.

Габриэль с тоской посмотрел на свои часы. В нем начинала закипать кровь.

– Кто это? Он кого-то убил?

Нижинская мелко затряслась, словно подул холодный ветер.

– Мой брат – не убийца!

– А кто он?

– Он гений. Гений танца.

– Вы из-за этого за нами шли? Чтобы сообщить мне, как любите своего брата? – в голосе Ленуара зазвенел металл.

– Габриэль, завтра мы пойдем в театр на его спектакль. Нижинский – звезда русского балета, – зашептала Николь.

– Да, то есть... В общем, я хотела сказать вам, что... – с трудом подбирала слова Нижинская, – моему брату угрожает опасность. Ваца с Сергеем Павловичем остановились в отеле, куда сегодня приехал один из танцовщиков труппы, и...

– И что? – не выдерживал больше Ленуар.

Бронислава Нижинская подняла руки к его лицу. Ладони девушки отливали черным цветом.

– Моего брата хотят убить, – тихо сказала Бронислава Нижинская.

Сыщик замер на перекрестке. Дома его ждала постель. Рядом стояла Николь. Еще несколько минут назад она была такой близкой, а теперь глаза журналистки ярко загорелись огнем чужой истории. Надежды на спокойную ночь рухнули.

– Мадемуазель Нижинская, вы правильно сделали, что обратились к Габ... к мсье Ленуару. Мы вам поможем, – сказала Николь.

На последнем этаже соседнего здания кто-то снова хлопнул ставнями. Краем глаза Габриэль Ленуар уловил движение. В сторону улицы Пон-де-Лоди быстро метнулась крыса. Почти с такой же скоростью за ней мчался черный кот. Мышеловка захлопнулась. Только теперь агент бригады краж и убийств парижской префектуры полиции угодил в нее сам.

Глаза звериного бога

Париж, 29 мая 1912 г., среда

В балетной труппе его прозвали Чумой. Какую роль ни дай – он ею заразится, а потом заразит всех артистов, гримеров, осветителей, реквизиторов и даже капельдинера. Ему это прощали. Ему все прощали, потому что Чума заражал своими танцами зрителей. На сцене он полностью перевоплощался в своего персонажа. Каждый жест, каждый изгиб руки, каждый прыжок Чума репетировал как сумасшедший. Как все танцовщики, которых Сергей Павлович брал в свою антрепризу.

Сегодня Чума был в Париже, и лучи майского солнца казались артисту настоящими лучами славы. Дягилев его выбрал, а значит, впереди новые спектакли в Монте-Карло, в Италии, в Англии... Настал конец их скромной жизни с матерью и сестрой. Сколько они пережили, пока Чума учился в Императорском Санкт-Петербургском театральном училище! И вот он здесь, в самом центре мира искусств, в центре французской столицы, перед театром «Шатле», где сегодня будут показаны четыре спектакля «Русского сезона».

Молодой танцовщик поправил волосы, подошел к двери и представился. Охранник его пропустил. Фух, как жарко! У входа, кроме французов, никого не было. Чума поднялся на второй этаж и заглянул в зал. Оркестр репетировал музыку Гана из «Синего бога». Артисты уже собрались на сцене и слушали указания главного хореографа дягилевской антрепризы Михаила Фокина. Сам Дягилев чинно сидел в партере с группой приглашенных гостей, без которых не обходилась ни одна репетиция. Французские критики, журналисты и неутомный Жан Кокто.

Чума улыбнулся. Он всегда так улыбался, когда задумывал проказу. Вот Дягилев удивится! И какую физиономию скорчит его верный старик Василий! А Броня наверняка снова испугается. Вот выйдет потеха!

Артист поправил цветок в нагрудном кармане и, оглядевшись, быстро подошел к элеватору. Да благословенны будут эти железные машины современных театров! Так он поднимется, не привлекая к себе лишнего внимания. А если сегодня все получится, то за один вечер Чума поднимется на самую вершину театрального Парнаса.

На двери уборной было написано Nijinsky. Чума вошел, вытащил из своей брезентовой сумки старую прямоугольную коробочку с гримом и прислушался. Внизу звучала музыка Гана, за окном шумел город.

Василий уже приготовил костюм для премьеры. Чума поспешно сбросил с себя одежду, надел трико и начал гримироваться. Они запомнят этот день надолго. Черным от грима пальцем артист нарисовал веки, подвел брови... Нижинский сегодня представит настоящего Фавна. Публика заразится его танцем. Чума хмыкнул и водрузил на голову сделанные по специальному заказу Бакста рога. Образ готов!

Танцовщик мягко вскочил на пол и сложил руки так, словно принимал в дар гроздь спелого винограда. Музыка стихла. Чума по-звериному повернул голову в сторону двери. Никого.

Чума сделал несколько па перед зеркалом и вздохнул. Деревянные половицы паркета нещадно скрипели. Это тебе не сцена.

Но что там за темное пятнышко у вазы? Краска от грима? Артист поскреб ногтем пол и понюхал. Пахло ржавчиной. Наверное, костюмерша уколола палец иголкой... Или капельдинер поцарапал руку о шипы роз, когда заносил букеты цветов... Чужих цветов...

От этих мыслей танцовщика затошнило. Еще пару минут назад ему казалось, что трико прекрасно обтягивало тело. Теперь черные пятна костюма расплывались, умножались и устремлялись от ног к горлу. Танцовщик оперся было на зеркало, но холод стекла так быстро пробрался от пальцев до самых кончиков волос, что он отдернул руку.

В коридоре что-то щелкнуло, и в уборной погас свет. Вероятно, очередное замыкание. Такое иногда случается, ничего удивительного. Артист вышел в коридор и повернул штепсель на стене. Люстра снова загорелась. Он вернулся. Все выглядело так же. Шкаф, стул, кисточки на туалетном столике... Только теперь со стены напротив на него смотрели черные глаза Фавна. Рога бога качнулись, и артист невольно вздрогнул. Что за наваждение! Это же просто зеркало! Он снова устроился за туалетным столиком и решил поправить грим.

В коридоре скрипнул пол. Кто-то подошел к двери. Чума выпрямился. Судя по шагам, это Дягилев! Или Василий... Танцовщик встал перед зеркалом в позу Фавна и приготовился сыграть со стариком шутку.

Внизу снова зазвучала музыка. Танец служителей из «Синего бога». Значит, репетиция продолжается. Литавры заиграли тот же мотив: «Пам! Пам! Пам!» Никто не заходил. Танцовщик снова посмотрел на себя в зеркало и подул. Стекло запотело. Артист нарисовал на нем круг и поставил в центре точку.

– Нижинский? – раздался голос из-за двери.

Танцовщик расплылся в звериной улыбке и ответил:

– Да.

Дверь медленно отворилась. Нет, это не Василий... Василий обычно не задерживается у входа. В центре нарисованного круга появилось дуло револьвера. Артист решил, что ему кажется. Должно быть, это игра света и тени.

Литавры снова застучали: «Пам! Пам!...» В унисон с третьим ударом раздался выстрел. Падая на пол, танцовщик подумал, что паркет театральной уборной снова запачкается.

Мигрень

Париж сегодня сошел с ума. Все бежали, неслись по своим делам, стараясь не замечать друг друга. Лемуар тоже торопился. Вчера ночью он дал слово Брониславе Нижинской, что после спектакля зайдет к ней поговорить в более спокойной обстановке, а утром обещал Николь, что приедет в театр вовремя. До начала спектакля оставалось полчаса.

Велосипед «Ласточка» катил по улицам Парижа, и фалды нового фрака Лемуара развевались на ветру. В голове гудела головная боль. От чистильщика обуви на перекрестке у Сен-Жерменского аббатства, как обычно, несло ваксой, и сегодня это раздражало Лемуара почти так же, как запах прогнивших овощей из лавки Пурье. Нерадивый продавец не нашел ничего лучшего, как выставить ящики с испортившимся товаром на солнце прямо перед магазином.

На следующем перекрестке движение остановилось. Лошадь старого фиакра отказалась пропускать автомобиль. Шофер и кучер рыкали друг другу в лицо отборные ругательства. Их голоса эхом резонировали в голове Лемуара. Он быстро объехал собравшуюся толпу и вырулил к бульвару Сен-Мишель.

Солнце палило сильнее, чем обычно. От людей пахло пылью и потом. От машин воняло топливом. Сзади по рельсам зазвенел трамвай «Малакóфф-Ле Аль». Голова у Лемуара шла кругом. На площади Сен-Мишель сержант в каске и в военном костюме с двумя рядами пуговиц взмахнул белой палочкой, чтобы все остановились. Лемуар притормозил у тротуара и на мгновение закрыл глаза.

В ушах гудело. Затем послышался детский голосок. Он сначала тихо, а потом все громче и громче напевал песенку на мотив «Польки англичан»:

Отправляясь вокруг света,
Из Англии с приветом,
Друзья ради афиш
Спешат-спешат в Париж.

Лемуар открыл глаза. Перед ним стояла девочка в школьном платье и потрепанных гольфах. Мама о чем-то спорила с подругой и готовилась перейти дорогу. Девочка напевала песенку и подпрыгивала на одной ножке. Один сандалик расстегнулся. Все спешили.

Они берут с собой сэндвич – Ao! Yes! Very well!
Плоский, как кирпич! – Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!
Плоский, как кирпич!

Парижане начали переходить дорогу. В голове Лемуара громко звучала песенка. Сзади приближалась громада двухэтажного трамвая. Слева шумел фонтан. Сержант повернулся, и трамвай загудел. Головная боль набирала обороты.

Мама со своей спутницей уже перешли дорогу, не замечая, что девочка потеряла на рельсах сандалик, а теперь, так же подпрыгивая на одной ножке и распевая «Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!», нагнулась, чтобы поднять порванную обувку. Все спешили по своим делам. Трамвай подъезжал ближе. Водитель смотрел вперед, на остров Сите. Он тоже спешил.

Лемуар крикнул:
– Стой!

Но остановилась только девочка. Один гольфик сполз до щиколотки. Она смотрела на трамвай и не могла сдвинуться с места. Время тоже замерло.

Черт! Ленуар схватил «Ласточку» и бросил велосипед под колеса трамвая. Затем он с силой дернул девчушку за руку. Оба упали прямо на мостовую. Девочка разбила до крови коленку и локоть. Заплакала. Рядом раздались вопли. Спицы «Ласточки» прогнулись. От колес трамвайных тормозов в разные стороны полетели искры. «Ласточка» осталась «без ног»...

Мама девочки подбежала к Ленуару. Она держалась за сердце и причитала, а потом долго обнимала дочь. Девочка прижималась к матери. Все движение на площади Сен-Мишель остановилось. Водитель выскочил из трамвая. Сержант подбежал к нему и громко что-то кричал. Пешеходы задыхались от жары. Больше никто никуда не спешил.

В этой суеде Ленуар медленно поднял свой искалеченный велосипед с дороги, взвалил на плечо и понес на остров Сите в казарму. Там должны починить.

Когда он появился в театре «Шатле», первые два балета уже закончились.

– Вы опоздали! – строго сказал капельдинер у входа в партер. – Больше мы никого не пропускаем.

Ленуар не любил использовать свое положение, но, подумав о том, как отреагирует на его отсутствие Николь, кивнул и представился:

– Агент Безопасности Габриэль Ленуар, из бригады краж и убийств. Я здесь по долгу службы.

Капельдинер замялся, но вид агента Безопасности вполне соответствовал его представлениям о том, как должны выглядеть сыщики: пыльные туфли, растрепанные волосы и помятый фрак. Старик покачал головой и сказал:

– Понятно. Прошу за мной. У нас случилось несчастье.

Хаотичная композиция

– Мсье Лемуар? Мсье Лемуар, Сергей Павлович сказал, что вы полицейский, это правда? – несмотря на свой уже преклонный возраст, вцепившийся ему в руку старичок держался прямо. Если бы не привычка каждые две секунды вытягивать губы вперед и не славянский выговор, то его вполне можно было бы принять за швейцара отеля Meurice, которого послали не вызывать Лемуара, а доставить важное сообщение английскому королю Георгу V.

– Кто такой Сергей Павлович? – вместо ответа спросил Лемуар.

– Серж де Дягилев! – потряс программкой у носа Лемуара старичок и покрепче схватил официального представителя парижской префектуры за локоть. – Я Василий, его слуга. Идти за мной. Быстро!

В этот момент Василий показался Лемуару потомком тех казаков, которые в 1814 году в Париже требовали поскорее сервировать им обед и так часто подгоняли нерасторопных официантов криками «Быстро!», что предприимчивые французы, пытаясь отмежеваться от своих медлительных конкурентов, начали вывешивать на свои закусочные надпись «бистро».

Из задумчивого состояния Лемуара снова вывел старичок. Сыщику пришлось на себе почувствовать, что значит «быстро». Не сгибая спины, Василий зашагал в сторону лестницы. А затем, без трости переступая по красному ковру через ступеньку, понесся наверх.

Начался антракт, но здесь еще никого не было. Зрители, словно жужжащие пчелы, только-только появлялись в коридорах. Словно на мед, весь улей медленно устремлялся в главное фойе. Дамы, не торопясь, ждали подъемную машину. Официанты уже встречали первых зрителей в белом зеркальном салоне и предлагали всем шампанское.

Через три минуты Василий открыл перед Лемуаром дверь чьей-то уборной и прошептал:

– Это тут. Нижинский... Надо сменить костюм.

– Здесь? – Лемуар показал пальцем на уборную.

– Менять костюм – в коридоре. Тут – другое. Я все приготовить. У вас есть двадцать минут. Убрать труп. Я держать оборона.

Слуга Сержа де Дягилев помахал кулаком, затем втолкнул Лемуара в уборную и закрыл за ним дверь.

Официальный представитель парижской полиции огляделся. На полу лежал обнаженный человек. В голове у этого господина была аккуратная дырочка, и из нее вытекала кровь. Значит, он опоздал? И на спектакль, и на более обстоятельный разговор с Брониславой Нижинской?

Николь, наверное, волнуется, что Лемуар так и не пришел в театр. Если бы она только знала, на какую выразительную театральную постановку пригласили Габриэля на пару этажей выше...

Сцена перед его глазами тоже напоминала дурную декорацию с заявкой на эпатаж. Впрочем, все это к лучшему. Обычно агента Безопасности из бригады краж и убийств вызывали по конкретному делу, когда и жертва, и обстоятельства убийства были уже известны. Сегодня все выходило наоборот. Ему не сказали даже имени трупа. Старичок втолкнул сыщика в совершенно незнакомый ему мир. Значит, суфлировать здесь никто не будет. И значит, сыщик мог делать любые наброски картины произошедшего убийства.

Лемуар взглянул на свои карманные часы, провел указательным пальцем по черным усам и приступил к работе.

Волосы убитого были взъерошены. Голова лежала на боку, и лужа крови под ней растеклась ровным кругом. Только левая часть головы и щеки были запачканы кровью, а выходило, что голову после убийства не двигали и убийца стрелял сзади. Если мысленно проследить траекторию пули, то она вылетела из оружия со стороны двери. Штрих первый.

Тело, в отличие от головы, лежало на спине в неестественной для упавшего человека позе: руки вытягивались в слишком прямую линию, впрочем, как и ноги убитого. Значит, тело после убийства передвигали. Штрих второй.

Лицо жертвы было густо измазано черным гримом. Черная краска темнела также на среднем пальце правой руки убитого. Судя по его фигуре и длинным мускулистым ногам с ярко выраженными артритными фалангами пальцев, перед сыщиком лежал труп танцовщика. Штрих третий.

Ленуар присел и слегка приподнял левое веко убитого: пятна Лярише еще не проявились. Получается, что со времени смерти молодого человека прошло не более пяти часов. На вид жертве было примерно двадцать лет. Штрих четвертый и последний. Первый набросок убитого был готов. Часы показывали, что прошло уже семь минут. Оставалось тринадцать.

Сыщик продолжил осмотр. На полу у ширмы валялись вещи и брезентовая сумка. Возможно, они принадлежали жертве. На глаз определить трудно, а трогать пока ничего нельзя. Сыщик достал свою записную книжку и стал записывать.

На полу стояли вазы с цветами. Белые и розовые розы. Из самого маленького букета торчал красный прямоугольник помады и записка. На туалетном столике все предметы были разбросаны в том виде, который Ленуар называл «хаотической композицией».

Из рамки зеркала торчали две карточки с фотографиями и подписью «Вацлав Нижинский». На одной из них он стоял в коротком платье и без грима в позе Синего бога. На второй Нижинский аккуратно сидел на стуле в черном костюме и задумчиво смотрел на фотографа. Ленуар сравнил изображение с телом на полу. По сложению и чертам лица оно напоминало русского танцовщика, но все-таки убитый был не Вацлавом Нижинским.

У ножек туалетного столика были царапины, словно его совсем недавно придвинули к стене. На туалетном столике лежала открытая коробочка с гримом, а слева ее охранял стаканчик с острыми кисточками. Здесь же валялись карандаши с затупленным грифелем и еще несколько открытых писем с видами Парижа. У одной из карточек – массивное платиновое кольцо с сапфиром. Справа лежали закрытые коробки конфет, а сверху – искусственные цветы. Всю композицию объединяли в одно целое два флакона одеколона и большой кувшин с водой и плавающими в ней дольками лимона.

Поднимая взгляд выше, на зеркало, Ленуар увидел жирный след от руки. Он подул на него, и рисунок в форме круга с точкой посередине проявился четче.

В этот момент дверь открылась, и Василий изумленно спросил:

– Труп не убрать? Вы же полицейский!

– Я агент из бригады краж и убийств, а не уборщик, – сделал легкий поклон Ленуар.

– Но... Если сюда прийти репортеры, большой скандал!

– Вы же сказали, что готовы держать оборону? – Ленуар медленно снял перчатки. Василий вошел в уборную и запер за собой дверь. – Кто этот молодой танцовщик?

– Это наш носильщик...

– Василий, не стоит со мной играть в игры. Это артист кордебалета, иначе у него не было бы времени подниматься во время основной репетиции в уборную к Нижинскому. Когда вы обнаружили тело?

– Еще утром...

– Я же сказал, не тратьте попусту мое время. Если бы тело пролежало тут весь день, оно было бы сейчас в другом состоянии. Когда и кто обнаружил тело?

– Я вошел сюда незадолго до премьеры. Это Гришка Чумаков, – выдохнул слуга.

– Кто еще был с вами?

– Ну...

– Вы не смогли бы сами отодвинуть туалетный столик, чтобы повернуть тело. Говорите, кто с вами был?

Василий молча посмотрел на Лемуара. В глазах его читался панический страх.

– Когда я вошел, тут был он, – слуга показал пальцем на труп. – А над ним сидеть Ваца... То есть Вацлав. Нижинский. У него на руках была кровь. Он очень пугаться. Я тоже пугаться. Но он не убить! Нет!

– Я знаю, что он «не убить». Если бы он «убить», то сидел бы в уборной вместе с орудием убийства.

Василий подошел к трупу и хотел показать, как сидел Нижинский. Но Лемуар его одернул:

– Ничего не трогайте. Это место преступления. Я должен вызвать сюда моих сотрудников из отдела Бертильона. Где у вас телефон?

– Но Сергей Павлович не разрешит!

– Здесь отдает приказы не Сергей Павлович, – перебил слугу Лемуар. – Когда вы обнаружили труп, он был уже голым?

– Нет.

– Зачем же вы его раздели?

– Так он это... Он был в костюме Вацы. В костюме Фавна. А Вацлаву нужно было выходить на сцену. Это его личный костюм. Я позвать Сергея Павловича. Сергей Павлович велел Ваце и мне снять с Гришеньки трико и рога. Надо было переодеваться для спектакля.

– Дягилев велел снять трико с трупа, чтобы Нижинский снова потом его надел? – воскликнул Лемуар.

– Д-да... Сегодня премьера. Первый спектакль Вацы как балетмейстера. Нельзя отменить. Нельзя допустить скандал! Ваца не убивать! Ваца потерять сознание на сцене! Его еле привести в чувство и проводить в коридор.

Лемуар ответил не сразу.

– Вы слышали выстрел?

– Нет.

Это было странно. Не услышать выстрел, когда стреляли не через подушку, было сложно. Лемуар снова взглянул на тело. Григорий Чумаков продолжал смотреть на него невидящими глазами.

– Телефонируйте Марселю Пизону в парижскую префектуру полиции. Скажите, что это Лемуар, дело чрезвычайной важности. Пусть пришлет сюда микробов. Он поймет, – так Лемуар называл экспертов из отдела Бертильона. – Где сейчас Нижинский?

– Наверное, он сейчас поприветствует публику и пойдет переодеваться.

– Что? Его в любой момент могут убить, какое еще «поприветствовать публику»?

Кто это?

Ленуар спустился на второй этаж и окунулся в бархатный мир непринужденных декольте, белых перчаток и страусовых перьев. Их обрамляли благородные черные фраки и смокинги. В противоположной стороне зала появился потный Нижинский.

Артист замер, обводя взглядом публику. Его губы дрогнули в сомнении: улыбнуться или нет? Одни зрители притихли и с любопытством рассматривали зверя. Другие явно сдерживали смешки. Третьи ставили на подносы бокалы с шампанским и шли поздравлять звезду русского балета. Весь этот улей гудел, звенел и готовился ужалить. Ленуара отделяли от Нижинского десять метров, но толпа перед ним смыкалась все плотнее.

Ленуар в первый раз видел танцовщика так близко и мысленно на ходу нарисовал его карикатуру. У гения танца была длинная толстая шея. На ней качалась большая голова, казавшаяся еще больше из-за массивных рогов костюма. Мускулистые ноги поддерживали аморфное, но крепкое тело. Экзотичности образу добавляли слегка раскосые горящие глаза и короткие пальцы рук. Сложно было поверить, что этот парень только что был на сцене римским богом.

– Как он красив! – раздался знакомый голос. Ленуар обернулся. За ним стояла Николь, а с ней – девушка в пестром костюме.

– Познакомься, это Люси Жанвиль, артистка французской пантомимы «Русского балета» и моя бывшая коллега, – уставшим голосом сказала Николь. – А ты был... здесь?

Люси не видела Ленуара, она шла к Нижинскому. Ленуар кивнул Николь и, как корабль, рассекающий волны, тоже пошел к танцовщику. Василий держался рядом. Толпа с аплодисментами расступалась перед артистом балета, он поклонился и направился в коридор. Николь застыла на месте и с удивлением наблюдала за происходящим.

В коридоре к Нижинскому подошел еще один господин. У него были резко очерченные квадратные брови и узкие губы. Господин затараторил что-то по-русски танцовщику на ухо. Взгляд Нижинского блуждал, а грудь часто вздымалась, словно он до сих пор не спустился со своей скалы.

– Это главный балетмейстер «Русских сезонов» Михаил Фокин! – сказала Люси Жанвиль, проследив за взглядом Ленуара. – Я так его люблю! Ему сейчас, как никогда, нужна дружеская поддержка!

– Кому? Балетмейстеру?

– Вацлаву.

– Вася! – раздался рядом крик. На него одновременно обернулись и слуга Василий, и Вацлав Нижинский. Кричал сухой худенький молодой человек. Волосы его топорщились в разные стороны, а благородная осанка подчеркивала гибкость тела. Если бы он не румянил бледные щеки и не подкрашивал губы, его можно было бы отнести к парижскому бомонду. А так он явно принадлежал к другой, более артистической породе жителей города. – Как ты себя чувствуешь? Ты живой? Ты меня очень напугал!

– Кто это? – уже машинально спросил Ленуар у танцовщицы. – «И откуда ему известно про убийство?» – добавил про себя Ленуар.

– Это Кокто. Жан очень дружен с Дягилевым, – отмахиваясь от агента Безопасности, ответила Люси.

– Опять эта тетка! – громко хмыкнул по-русски Фокин, поравнявшись с Ленуаром.

Сыщик провел указательным пальцем по усам и сделал последние два шага, разделяющие его с Нижинским.

– Мсье, срочно уходите отсюда. Вашей жизни угрожает опасность! – при этом Ленуар подхватил Нижинского под руку и приготовился его вести наверх.

– Вацлав! Вацлав! Как ты? Я очень за тебя волновалась. Ты был великолепен! Публика в восторге. Все тебя любят, Вацлав! Невероятный успех! – кричала по-французски недавняя спутница Лемуара. Танцовщик смотрел на них непонимающими глазами.

– Люси, благодарю, но сейчас Вацлаву надо отдохнуть и переодеться, – остановил ее Кокто. – О «Фавне» мы еще успеем поговорить. Пропусти.

– Вацлав, я буду тебя ждать после «Жар-птицы»! Ты величайший артист балета! Никогда об этом не забывай! – девушка хотела сказать еще что-то, но ее за пояс схватил облысевший, а от этого казавшийся еще более лопухим мужчина.

– Люси, не позорься, пойдем отсюда. Ты вытащила меня на балет не для того, чтобы я участвовал в этом балагане, – сказал он девушке.

– Ах, это мой брат, Эрнест Мари Жанвиль. Он сегодня в первый раз согласился прийти посмотреть на меня в «Синем боге». Эрнест, позволь, я сейчас вернусь! – Однако Эрнест крепко сжал руку на поясе сестры и не позволил. Категорически не позволил ей следовать за Вацлавом дальше. Девушка дернулась и крикнула танцовщику: – Вацлав! Ты величайший! Береги себя!

Лемуар повел Нижинского вверх. Кокто с Василием не отставали. В конце последнего лестничного пролета над ними нависла огромная фигура русского импресарио. На макушке у него, бросая вызов закону притяжения, возвышалась шляпа. Она казалась очень маленькой, но при ближайшем рассмотрении становилось понятно, что не шляпа была маленькой, а голова огромной. У человека были опустившиеся вниз внешние уголки глаз и такой же опустившийся живот, отчего он напоминал отъезжего бульдога. Он опирался на трость рукой, украшенной несколькими крупными кольцами, и нервно покусывал губу. От этого ниточка его усов изгибалась черным дождевым червячком.

– Серж, с Вацлавом все в порядке! Мы его уже ведем переодеваться! Костюм Василий вынес в коридор, к началу спектакля успеваем! – крикнул Кокто.

– Веди Вацлава в Мишину уборную, – ответил Дягилев, обращаясь к слуге.

– А почему он не может переодеться у себя в уборной? – спросил Кокто.

– Жан, у Вацлава разбили зеркало, – ни капли не сомневаясь в собственных словах, сказал Дягилев. – Ты пойди пока послушай, что там говорят о «Фавне». Сегодня для нас важный вечер.

– А что эти дилетанты в искусстве могут говорить о «Фавне»? В этом году у нас в театре собрался не Париж, а провинция! Они не будут говорить о «Фавне». Они отмахнутся от него, как от докучливой мухи.

Нижинский словно пришел в себя и резко повернулся к Кокто.

– Что ты сказал?

– Жанчик, иди послушай. Может, не все жужжат об одном и том же. В таких делах важны нюансы. Тебя ли этому учить? – французский Дягилев походил на граммофонную пластинку: слова звучали правильно, но царапали слух шершавыми звуками. Лемуар мысленно согласился, что нюансы важны.

Кокто перевел взгляд на Нижинского, потом снова на Дягилева и, кивнув им обоим, ретировался. Только после этого Дягилев отступил, пропуская вперед своего первого танцовщика и остальных.

– Кто это? – спросил он у мадемуазель Нижинской, показывая на Лемуара пухлым пальцем.

– Это господин полицейский, Сергей Павлович, – ответил Василий.

По последнему этажу бегали артисты балета. Дягилев взял трость в руки и громко хлопнул три раза в ладоши.

– Десять минут до спектакля! – Его голос пролетел, как коршун над полем овец. Слова импресарио в переводе не нуждались. Все артисты разбежались, и через пару секунд коридор опустел.

Василий достал из кармана связку ключей и повел Нижинского в одну из уборных. Видимо, уборную хореографа Фокина. По дороге старик взял стул, на котором висел костюм танцовщика к следующему спектаклю. Ленуар хотел было пойти за ними, но Дягилев остановил его своей тростью. Черный взгляд русского импресарио тяжело опустился на сыщика. Но черный был частью природы Габриэля Ленуара. «Черным» его называли при рождении, поэтому взгляд Дягилева не произвел на него впечатления.

– Господин полицейский, я попросил Василия вызвать квартального или гвардейца, который помог бы нам вынести тело убитого из уборной Вацлава. Но, кажется, вы не выполнили своего долга.

– Мой долг – служить интересам Французской Республики, – спокойно ответил Габриэль Ленуар. – Здесь произошло предумышленное убийство, и теперь этим делом займется бригада краж и убийств парижской префектуры полиции.

– Тогда вызовите шефа вашей бригады, – поглаживая свои перстни, ответил Дягилев.

– Мой главный начальник – префект полиции Луи Лепин. Думаю, вы о нем слышали. Если вы настаиваете, я могу обратиться к нему за помощью.

– Нет-нет... Погодите... Вы неправильно меня поняли. Возьмите мою визитку. Дело очень деликатное. Труп нашли в уборной Нижинского накануне премьеры. «Фавн» и так взбудоражил умы, давайте постараемся избежать скандала. Если о трупе узнают газетчики, то придется отменять на время расследования весь русский сезон, а я не могу этого позволить, господин...

– Ленуар. Габриэль Ленуар.

– Мсье, возьмите вот. – Дягилев достал из кармана несколько скомканных банкнот и протянул этот шарик своему полному сюрпризов собеседнику. – Это вам. Помогите нам утрясти это дело без шума.

Агенту Безопасности случалось оказываться на мели, но если по части трат он был импульсивен и неразборчив, то по части источников своего дохода признавал только легальные с его точки зрения. К подобным источникам относилась оплата за службу, выигрыши в карточных и других играх и, наконец, кошелек родного дяди Леона Дюрока. В общем, главным критерием добросовестно заработанных денег для Ленуара были выдуманные им самим правила получения этих денег. А в данном случае правила диктовал не он, а русский импресарио с большой головой и тонкими усами, поэтому принять деньги на таких условиях сыщик категорически не мог. Он благородно отодвинул руку Дягилева в сторону и сказал:

– Я агент Безопасности парижской префектуры полиции, мсье, я всегда действую без шума. И обещать вам могу только одно: убийцу танцовщика я найду. А вы сделайте все необходимое, чтобы сберечь вашего Фавна. Убийца метил в него, и то, что пуля попала в голову другого артиста балета, – чистая случайность.

Дягилев медленно кивнул и с усилием улыбнулся, обнажая свои крокодильи зубы.

– Договорились. Занимайтесь своими делами, а Нижинским займусь я. Что вам от меня требуется?

– Соберите всю труппу завтра перед репетицией в театре, чтобы я смог их допросить, а также позвольте мне поговорить с самим Вацлавом Нижинским и его сестрой.

– Броней? А при чем тут Броня? С Вацлавом говорить не нужно. Ему без того сейчас приходится тяжело. Фокина я тоже попрошу завтра подождать вас в отеле. А труппу я вам соберу. В театре. Только, может, не стоит им сразу рассказывать об убийстве...

Вместо ответа Ленуар попросил дать ему ключ от уборной Нижинского, чтобы организовать работу «микробов». Уже у двери уборной Дягилев снова окликнул сыщика. Чуть помедлив, он спросил:

– А вы уверены, что Чумакова убил не Вацлав? Мне очень важно это знать...

– Я не уверен даже в том, что Чумакова убили не вы, – ответил Ленуар.

Через несколько минут спектакль продолжился, а в уборной Нижинского уже суетились «микробы» из отдела сигнализации. Они аккуратно складывали в деревянные ящички стаканы и коробочку с гримом, вытягивали линейку вдоль трупа и фотографировали его с переносной лестницы.

Хозяин

30 мая 1912 г., четверг

Николь ушла из театра, не дождавшись Ленуара. Эту ночь он провел у себя в комнате на улице Бюси. Комнату ярко освещал свет. До полнолуния оставалось два дня. Головная боль удерживала в постели, раздавливая сыщика в своих хищных объятиях.

По возвращении домой Ленуар имел привычку сразу чистить ботинки. Когда обувь блестит чистотой, пережить начало дня стоически гораздо легче. Однако теперь руки пахли ваксой. Запах постепенно материализовался и захватывал всю комнату туманной черной дымкой, принимая форму Нижинского в роли Фавна. Ленуар закрыл глаза.

Звериный бог долго смотрел в окно, а потом резко склонил и повернул голову в его сторону. Теперь из пустых глаз Фавна на сыщика таращилось его собственное отражение. В нем он поправлял усы, а потом сжимался в черную массу, черное пятно, черную точку. Ленуар пытался на ней сконцентрироваться, пытался броситься в нее, ускользнув от головной боли по другую сторону реальности. Он уцепился за край и заглянул в темноту. Там проплыла белая прядь волос Дягилева. Волосы росли, росли, и вот уже они пытались обхватить Ленуара за горло. Дышать становилось все тяжелее. С другой стороны за белые волосы дергала еще одна рука. Это Фокин, он кричит:

– Тетка, отдай их! Эти волосы не твои! Верочка не любит плешивых. Публика не любит плешивых! Отдай!

К сыщику бежит Николь, она тянет к нему руку. Ленуар с трудом делает глубокий вздох, но руку Николь хватает Бронислава Нижинская.

– Мне надо поговорить с вами. Это важно, – шепчет она Николь. – Вам нужно научиться двигаться в такт. Вот так! Ток-так, ток-так... Понимаете? Музыкальный слух и чувство ритма. Они жизненно необходимы. Чумаков не чувствовал ритма, понимаете? Его за это убили.

– Кого убили? – вмешалась Люси Жанвиль. – Вацлава? Нет... У него большой успех! Фавн шагает в будущее. Фавн – это будущее.

Затем Люси посмотрел на Ленуара и с недоумением спросила:

– А вы так и будете висеть на краю? Поднимайтесь, кофе уже готов!

На крыше громко заорала кошка. Ленуар открыл глаза. У того, кто стучался в дверь, было отличное чувство ритма.

– Господин Ленуар! Габриэль! Кофе уже готов! Оставлю поднос у двери.

Доминик. Его милая консьержка... Габриэль громко промычал что-то вежливое и посмотрел на часы. Семь утра. В это время единственное, что может быть кстати, это дымящийся кофейник.

Ленуар по восточной науке потер себе виски и методично нажал на лице на главные точки меридианов. Ночной кошмар ослабил хватку и отступил. Сыщик открыл окно. В комнату ворвалась утренняя свежесть. Наполнив ею легкие, Ленуар взял поднос, налил себе первый кофе и приготовился делать физические упражнения.

Ленуар занимался по «Физиологии телесных упражнений» Фернана Лагранжа. Автор считал, что физические нагрузки оживляют и нормализуют кровообращение, а в неподвижном теле кровь обращается несвободно и необходимых для здоровья преобразований в ней не происходит. Как говорится, мышцы трудятся, мозг отдыхает. После сотни приседаний и еще пары сотен флексий с потертыми гантелями, растяжением сухожилий и прыжков на скакалке Ленуар окончательно почувствовал себя готовым к последнему, самому главному этапу утренней домашней рутины – приведению в порядок усов.

Он растер мокрым полотенцем тело, а затем тоненькой расческой придал форму волосяному покрову своего лица. Парочку выбивающихся волосков бровей и усов пришлось акку-

ратно вытянуть и подрезать острыми ножницами. Наконец, Лемуар подкрутил кончики своих пышных черных усов вверх, зафиксировал их капелькой воска и еще раз убедился в том, что утром душевное состояние человека целиком и полностью в его руках. В конце концов, он единственный хозяин как своего тела, так и своих мыслей.

Бермудский треугольник на острове Сите

Когда Сена достигает берегов Лютеции, перед великолепной апсидой собора Парижской Богоматери в ней отражается не шпиль и не горгульи. На фоне розового утреннего неба или на фоне пурпурно-красного заката на первом плане в воду заглядывает городской морг. В этот мрачный дом свозят трупы утопленников и убитых на улицах Парижа. Как ни старайся, как ни прищуривай глаз, ни одна фотография, ни одна картина не может скрыть его вульгарных серых стен. «Сначала ты умрешь, и только потом тебя отпоют в церкви, странник», – напоминает морг забывшимся в центре города парижанам.

За время работы в префектуре полиции Габриэлю Ленуару давно следовало привыкнуть к мрачному треугольнику на острове Сите, но, входя в холодное здание, он до сих пор поеживался. Запах карболовой кислоты у сыщика теперь неизменно ассоциировался с трупами и его другом, врачом-инспектором судебно-медицинской экспертизы Антуаном Шуано.

По части вскрытий этот блондин с вечными мешками под глазами достойно продолжал дело докторов Бруарделя, Деску и Ложье. Антуан был потомственным врачом, только он не искал причин болезни, чтобы вылечить своих пациентов, а искал причины смерти, чтобы не заболел Ленуар. Сыщика, да и самого Антуана, такой подход устраивал.

Секретарь суда зарегистрировал визит Ленуара и, продолжая сверять последнюю статистику морга по трупам, заметил:

– Ты сегодня очень вовремя. Там тебя уже ждут.

– Антуан?

– Сам увидишь! – Мёнье разгладил рукой три прядочки волос, отважно пытающиеся скрыть его лысину. – Я секретарь суда, а не помощник агентов Безопасности.

– Сколько у тебя трупов было за прошлый год? – нахмурив брови, спросил Ленуар.

– Тысяча сто шестьдесят четыре, – машинально ответил Мёнье, заглядывая в свой реестр.

– А на конец мая этого года?

– Семьсот двадцать один.

– В этом году побьем все рекорды по смертности. Если скажешь, кто меня ждет, обещаю избавить от одного трупа сегодня же. Хотя бы на одну койку станет посвободнее.

– Шеф тебя там ждет, – со вздохом проговорил Мёнье. – Только не думай, что ты можешь повлиять на статистику, Ленуар. На статистику никто не может повлиять. Особенно когда за последние десять лет у нас число несчастных случаев возросло в два раза! Это рука Господа нас карает за то, что мы стали расхлябанными и все чаще увлекаемся зрелищами и хлебом, а не трудом, Ленуар. Попомни мои слова!

– А я думал, что количество несчастных случаев увеличивается пропорционально росту количества автомобилей на улицах... – снимая свою шляпу, парировал Ленуар.

Взглянув на черную шевелюру сыщика, Мёнье снова зафыркал, как сломанный торпедо.

– А несчастные случаи на производстве ты не считаешь? Там в первую очередь гибнут поденщики без опыта работы. Я же говорю: люди разучились работать. Мастеров нет, остались одни подмастерья...

– За цифры у нас отвечаешь ты, Мёнье. А я отвечаю за работу, – при этом Ленуар кивнул секретарю суда и направился в зал вскрытий. Если уж его ждет шеф, значит, труп Чумакова Антуан вскрыл утром и еще не успел отправить на заморозку в холодильную камеру. В прошлом году вскрывали по два трупа в день, а в этом все чаще и чаще приходится вскрывать по три. Похоже, скоро здесь даже из окон будут торчать ноги умерших...

В зале труп Чумакова действительно лежал ровно посередине. Антуан рассеянно курил свою трубку, сидя на соседнем столе, и сочувственно кивал шефу бригады краж и убийств. Марсель Пизон, наоборот, часто жестикулировал правой рукой, показывая пальцем то на Анту-

ана, то на труп, то на себя. При этом живот его удивительно резво раскачивался из стороны в сторону, а лоб от мышечного напряжения и вони давно покрылся холодным потом. Он держал смоченный одеколоном платочек и прикрывал им рот.

– Черт! Вы на него посмотрите! Вчера совершено убийство, застрелен представитель союзнической страны, а он только-только пожаловал в морг! Взгляни на часы, Ленуар!

– Время обеденного перерыва, – спокойно ответил сыщик, взглянув на Антуана. Тот только округлил и без того огромные глаза и молча пожал плечами.

– В том-то и дело! В том-то и дело, Черный! И вместо обеда в «Прокопе» я вынужден выполнять за тебя твою работу.

Сыщик подошел к трупу, словно заключая его в треугольник, где вершинами были Пизон, Антуан и сам Ленуар.

– Вас поставил в известность мсье Лепин? – выдвинул он очевидное предположение.

Префекта парижской префектуры полиции боялись все. Уж слишком много личных секретов знал серый кардинал Третьей республики. Никто точно не мог сказать, как ему это удавалось, и от этого даже членов французского правительства иногда мучила бессонница.

– Да, телефонировал сегодня утром, – ответил Пизон. – Приказал как можно быстрее потушить разгорающееся пламя.

Это было очень похоже на Лепина. Префект полиции любил бравировать перед журналистами в каске офицера пожарной команды. Если он говорил о пожаре, значит, действовать следовало немедленно. То есть еще быстрее, чем изначально предполагал Ленуар.

– Опять замешана дипломатия? Можно хоть одно дело расследовать без того, чтобы над нами не висела угроза политического скандала?

Антуан выпустил изо рта новое кольцо дыма, скосил глаза, наблюдая, как оно рассеивается над трупом русского танцовщика, и вытянул губы трубочкой.

– На сей раз все еще более запутано, Ленуар, – ответил Пизон. – В прошлый раз мы имели дело с немцами. Они наши враги, но из всех врагов – самые предсказуемые. А здесь – Российская империя, главная союзница Французской Республики. Они наши друзья, но если ты хочешь мое мнение, то нет более непредсказуемых людей, чем русские.

– Просто вы их не знаете, шеф.

– А ты и вправду считаешь, что достаточно сблизиться с журналисткой русского происхождения, чтобы начать понимать их менталитет?

Антуан выдул еще одно колечко и еще больше скосил на нем глаза.

– Николь спасла мне жизнь, а когда русские вам спасают жизнь, шеф, надо хотя бы попытаться понять их менталитет.

– Ну, кто тебя спас – это еще спорный вопрос, – сказал Пизон, расправляя плечи.

Вспомнив подробный рассказ Николь и Турно о ночи, которая чуть не закончилась для него на небесах, Ленуар решил сменить тему.

– Хорошо, но насколько мне известно, ни жители Туманного Альбиона, ни австро-венгры не обещали встать на нашу защиту, если на Францию нападет Германия, другое дело – русские...

– В том-то и дело, в том-то и дело... Я уже читал, какой шум подняли из-за вчерашнего балета Нижинского. Подозреваю, что убийство этого молокососа, – Пизон снова тыкнул пальцем в труп Чумакова, – еще одна провокация со стороны англичан или немцев. Кому-то очень мешает франко-русский альянс...

– А когда хочешь подорвать доверие и внести раздор, убивай символы, – закончил за Пизона Ленуар.

– Что? – прогремел шеф бригады краж и убийств. Однако теперь и Ленуар, задумавшись, молча следил за очередным колечком дыма Антуана. – В общем, так. Лично я думаю, что убийство это не имеет никакого отношения к дипломатии. Скорее, речь идет о личных раз-

борках. Но, когда Лепин просит быстро «потушить пожар», это значит, что, если ты не раскроешь убийство в ближайшие три дня, Черный, журналисты раздуют из прилетевшей к нам искры такое пламя всеобщего негодования, что от репутации русских как надежных союзников ничего не останется. А, как говорится, репутация – самое дорогое, что у нас есть.

– Имя и репутация – это все, что у нас есть... – согласился Лемуар. – «И только эта ниточка удерживает меня в полиции», – подумал он про себя. За годы службы репутация сыщика дала ему билет в независимую от денег и семейных обязанностей жизнь. Если он перестанет быть выдающимся сыщиком, то придется опять становиться посредственным банкиром. А это для Лемуара означало самую страшную муку – душевную смерть.

– Шеф, это дело деликатное. Мне нужны будут люди, – оживился сыщик.

– Людей я тебе дам.

– Кроме того, мне нужен будет язык.

– У тебя он и без моей помощи прекрасно подвешен... – не понял Пизон.

– Я имею в виду русский язык. Без него это дело нам не раскрыть, – уточнил Лемуар.

– Хочешь ангажировать свою пассивность?

Лемуар кивнул.

– Николь еще не забыла язык своей матери, что в нужный момент может оказаться бесценным.

– Хорошо, если только ты дашь слово, что она не будет писать репортажей о своих приключениях.

– Я за нее ручаюсь, шеф.

– Тогда по рукам. И отчитываться будешь лично мне. Если какая срочность, телефонируй в префектуру, меня там найдут. Антуан, расскажи Черному, что ты обнаружил в теле этого танцовщика.

Антуан закашлялся и отложил трубку в сторону.

– В его теле я обнаружил большую дозу алкоголя, а также пулю, выбившую ему мозги, – при этом врач-инспектор взял платочек со своего стола и, как фокусник, откинул его уголки, показывая свою находку. На ладони Антуана лежала пуля со смятым концом.

Лемуар взял со стола судебного медицинского эксперта линейку и аккуратно измерил калибр: 7,62—7,65 мм.

– Остроконечная пуля со свинцовым сердечником весом примерно 7 граммов, – добавил сведений об объекте-убийце Антуан.

Пизон переглянулся с Лемуаром.

– Судя по ее размеру, пуля могла вылететь либо из «нагана», либо из «браунинга» образца 1903 года, – сказал Лемуар.

– Ну да, это нам очень поможет, – подтянул пояс Пизон. – Такие «браунинги» есть у любого уважающего себя апача. После нашей заварушки с бандой Бонно Лепин приказал вооружить всю криминальную полицию. Так что через месяц у нас у всех будет подобный «браунинг».

– Выходит, что выстрелить в Чумакова из браунинга мог любой бандит или полицейский. А из нагана кто мог выстрелить?... – спросил Антуан. – Пули почти одинаковые, орудия убийства на месте преступления не найдено. Не думаю, что мы сможем поставить здесь точный диагноз.

– Посмотрим... Кажется, у меня есть одна идея. Если не возражаете, господа, я возьму эту пулю себе для дальнейших исследований, – сказал Лемуар. – И если больше никаких замечаний о трупе нет, то его можно убирать из морга.

– Арсенал в твоём распоряжении, Черный, – кивнул Пизон. Казалось, он был рад, что наконец-то выйдет на свежий воздух.

Слух на фальшивые ноты

Переходя через мост на правый берег Сены, Ленуар думал о том, как сообщит о предстоящем сотрудничестве Николь Деспрэ. Это будет истинный дуэт французской полиции и журналистики. Так он все ей сможет рассказать об убийстве, и не придется больше увивать и кривить душой перед близким человеком. При воспоминании о том, как они вчера расстались, Ленуар почувствовал укол совести и решил, что сейчас же отправится в редакцию Le Petit Parisien вызволять Николь из лап всемогущей прессы.

Однако так далеко идти не пришлось. Шляпу с рыжим пером сыщик заметил еще с набережной Сены. Оно трепетало на майском ветерке, словно тренируясь, как будет щекотать нервы агенту Безопасности. Что Николь делает у театра «Шатле»?!

Ленуар твердо зашагал в ее сторону, когда заметил, что она не одна. Рядом стоял рослый парень в униформе сторожа. Он важно о чем-то вещал, в то время как Николь быстро записывала его слова в книжке.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Ленуар.

– Так, значит, вы сказали, что Чумаков пришел в театр в районе пяти? – Николь говорила так, словно не замечала присутствия сыщика, и явно обращалась к сторожу.

– Да, я его пропустил, – ответил сторож, приподнимая свою кепку с козырьком, чтобы поприветствовать Ленуара.

– Вы уже видели этого танцовщика в театре раньше? Почему вы его пропустили? – продолжала спрашивать Николь.

– Видел ли я его? – замешкался сторож. – Да они же все для меня, считай, на одно лицо. Он говорил по-французски с сильным русским акцентом. Думал, он с остальными танцовщиками. Пес попутал – пропустил.

– А что вы... – начала Николь, но Ленуар ее перебил:

– Вы заметили, что артист был пьян?

– Пьян? У него блестели глаза, прямо как ночью у борова, – ответил сторож. – Но он же русский. Они часто под мухой ходят, даже в такую жару. А если не пьют, то все равно глаза вот так горят. Может, он и был выпивши, а может, идеей какой заразился...

Лицо Николь стало покрываться пятнами.

– Вам следовало быть повнимательнее, мсье, – сказала она. – Не все русские пьют...

– Спасибо, если у нас еще будут вопросы, мы к вам обратимся, Франк. – Ленуар взял Николь за руку и повел за собой в театр.

– Что?.. Откуда ты знаешь его имя? – спросила девушка.

– Я с ним вчера говорил. А ты что здесь делаешь?

– Свою работу, мсье. – От этого «мсье» Ленуар отпустил локоть Николь. – Ты читал сегодня Le Figaro? Меня отправили собирать сведения для новой статьи.

– И когда ты собиралась мне об этом рассказать? – спросил Ленуар.

– А почему ты так и не пришел ко мне после вчерашнего спектакля?

– Но ведь ты сама ушла! Я думал, что ты не хочешь ждать меня из-за работы. Кроме того, было уже поздно. – Ленуару стало казаться, что он никогда не поймет женскую логику. Вернее, когда она применялась в отношении третьих лиц, все выглядело очевидным. А когда дело касалось его самого, он вечно интерпретировал все происходящие события с мужской точки зрения, забывая о том, что в амурных делах он никакое не исключение из правил.

– Это еще не значит, что я не прождала тебя полночи дома, Ленуар, – Николь встряхнула головой и сама взяла Ленуара под руку. – Так что там с убийством русского танцовщика?

Все – таки профессиональное любопытство взяло над Николь верх. Обычно подобные вопросы Ленуара раздражали, но в этот момент возможность найти общую тему для разговора показалась сыщику спасительной.

– Сначала пообещай мне, что не напишешь об этом в Le Petit Parisien. Иначе тебе придется попрощаться с карьерой журналистки.

– Но если я ничего не напишу, то мне не с чем будет прощаться, Габриэль, потому что карьеру я так никогда и не сделаю! – выдохнула Николь.

Ее переход с официального «мсье» на конфиденциальное «Габриэль» ласкал сыщику ухо.

– Парижская префектура полиции в моем лице ангажирует тебя своим переводчиком, Николь. Скоро сведений у тебя будет достаточно, чтобы писать сразу в две газеты. Только пиши то, что я разрешу. Согласна?

Николь посмотрела на Ленуара, прикусила губу, но кивнула.

– Хорошо. Начнем с того, что артист балета Григорий Чумаков по кличке Чума заявился вчера в «Шатле» действительно под мухой... – начал рассказывать Ленуар.

– Я не буду этого писать! – перебила его Николь. – Как только речь заходит о русских, вечно эти штампы...

– Конечно, не будешь, потому что я тебе этого не разрешу, – парировал сыщик и прижал Николь поближе. Затем они вошли в театр, Ленуар пересказал ей основные известные ему факты, связанные с убийством Чумакова, и добавил: – А теперь как официальный переводчик парижской префектуры просвети меня, что значит по-русски *tyotka*?

– «Тетка»? – переспросила Николь. – «Тетка» – это сестра отца или матери. А в простонародье так называют женщин.

– Это как *ba* и *ti*? – уточнил Ленуар, отчаянно пытаясь воскресить свои рудиментарные познания в русском, почерпнутые из газет.

– Ну, «баба» – это не совсем «тетка»... – смутилась Николь. В конце концов, она тоже родилась не в Российской империи, чтобы разбираться во всех языковых нюансах.

В театре «Шатле» об убийстве Чумакова не знали, пожалуй, только гении, украшающие плафон театра. Отсутствие Дягилева, Фокина и Нижинского усугубляло общее напряжение. Танцовщики бегали по сцене, как куропатки, осматривали реквизит и рассуждали, где лучше встать во время «Синего бога», чтобы цвет их костюмов гармонировал с цветом декораций. Реквизиторы поднимались на галерку и давали указания осветителям, чтобы те наладили положение ламп. Пахло потом, пылью и пудрой.

Вся эта неразбериха проходила под звуки отдельных тактов музыки. Дирижер явно очень нервничал. Ленуар поймал себя на мысли, что на его месте в окружении стольких русских тоже начал бы нервничать.

Одни актеры волновались по любому поводу. Сетовали, что нет Бакста. Он бы помог наложить грим. Закрывали уши всякий раз, когда дирижер задавал неправильный темп: «Эй, это вам не Ган и Дебюсси, это Игорь Стравинский, здесь совсем другой ритм!»

Другие проверяли сценический рисунок, раздражая этим еще больше артистов первой категории. «Все будет хорошо, – говорили они. – Только не забудьте перед выходом на сцену перекреститься».

В отсутствие Фокина танцовщики, участвующие в балете «Дафнис и Хлоя», толпились на сцене и что-то обсуждали. На Ленуара и Николь никто и не думал обращать внимание.

Тогда Ленуар вышел на сцену и громко постучал тростью о пол, как Дягилев. Все артисты посмотрели на доски, по которым стучал незнакомый им француз, и замолчали. Один из танцовщиков вышел вперед и сказал что-то Ленуару, показывая рукой на его трость.

– Он просит не ломать сцену: любая щель или неровность могут помешать артистам исполнить танец, – перевела Николь.

– Тогда пусть успокоятся и ответят на мои вопросы, – поклонился труппе Ленуар. – Переведи им, кто я и зачем сюда пришел. Скажи, что Фокина сегодня не будет.

– Дорогие артисты! – начала переводить Николь. – Господин Фокин сегодня не сможет присутствовать на репетиции.

Труппа снова оживилась, все зашептались.

– Ты сказала им, кто я? – спросил Ленуар.

Николь повысила голос и представила сыщика:

– Господин Габриэль Ленуар из Охранного отделения.

Все снова притихли.

– Что ты им сказала? – спросил Ленуар.

– Я тебя представила, – ответила Николь и продолжила свою речь: – Он здесь по указу французского начальника полиции, чтобы помочь разобраться в том, кто убил Григория Чумакова.

На этот раз в зале повисла тишина.

– Скажи, что мы будем очень признательны за любое содействие в ходе официального расследования, – сказал Ленуар, садясь на стул перед танцовщиками.

После этих слов все продолжали молчать, поэтому Николь добавила:

– Господин Ленуар – большой поклонник русского балета и русской культуры. Он вчера присутствовал на всех спектаклях и выражает вам свое восхищение танцевальным мастерством.

Артисты, кажется, начали оттаивать.

– Он видел много балетов на своем веку, но такой энергии, такого чувства танца и общей гармонии декораций, музыки и движений, как в русском балете, он еще никогда не видел. Ни в итальянских, ни даже во французских балетных постановках, – закончила свою речь Николь.

Среди танцовщиков раздались хлопки, многие девушки заулыбались и совсем по-другому посмотрели на Ленуара.

– Что ты им сказала? – удивился сыщик.

– Что ты станцуешь перед ними «Танец маленьких лебедей», если они честно ответят на все вопросы.

– Какой танец? – провел пальцами по усам Ленуар.

– Задавай свои вопросы, у нас мало времени, – перебила его Николь.

Ленуар встал, поклонился, спустился с Николь в партер и попросил каждого танцовщика подходить к нему по одному. Первой подошла Тамара Карсавина. Балерина широким жестом поправила волосы и села в кресло, стараясь не обращать внимания на пляшущих на нее коллег. Сыщик отметил в своей записной книжке «прима» и спросил:

– Что вы делали в период с четырех до восьми вечера накануне спектакля?

Девушка еще больше выпрямила и без того прямую спину и ответила:

– Я репетировала «Дафниса и Хлою».

– Нижинский был с вами? Он куда-нибудь выходил?

– Да, мы вместе танцевали. Он не уходил. – Ленуара удивило, что такая юная мадемуазель ведет себя на допросе так спокойно. Видимо, сказывается опыт общения с журналистами.

– Вы слышали звук выстрела или какой-то странный шум с верхних этажей?

– У нас же здесь оркестр, музыканты играют. Ничего из того, что происходит наверху, не слышно. А что, Чумаков действительно был убит? Это не шутка?

– Почему вы спрашиваете?

– Я думала, что он застрелился. Не понимаю, кто мог желать ему зла... – ответила Карсавина.

– Как вы относились к Чумакову?

Карсавина встрепенулась и снова выпрямила спину.

– Чумаков был душа! Сергей Павлович ценил талант обоих: и Нижинского, и Чумакова, даже называл их «своими детьми».

– Вы знали, что Григорий Чумаков приехал в Париж? – спросил Ленуар.

– А он был в Париже уже несколько дней? Если так, то нет, не знала. Он не жил в нашем отеле... Жаль его.

– А как вы относились к Нижинскому?

Карсавина снова поправила волосы и, помедлив, ответила:

– Он очень способный артист. Хотя иногда, только иногда, его драматическая интерпретация ролей недотягивает. У Чумакова и Больша некоторые роли выходили ярче.

– Вы солистка «Русских балетов Дягилева», почему вы не приняли участие в «Послеполуденном отдыхе фавна»? Если бы вы согласились танцевать, то на сцене бы появились сразу две звезды балета, что может лучше привлечь внимание публики? – спросила Николь.

– Он звал меня танцевать одну из нимф в своем «Фавне», но я отказалась, – ответила Карсавина и добавила, словно хотела оправдаться: – Там все будто вытесаны из камня. Нет ни одного танцевального движения. Никакой свободы, нет танца. Разве это балет? И потом у меня и так много главных ролей в балетах Фокина. Фокин понимает суть движений.

– Я слышала, что Нижинский сначала хотел пригласить на роль главной нимфы Иду Рубинштейн. Он предложил вам эту роль до или после отказа Рубинштейн? – спросила Николь.

Ленуар украдкой посмотрел на свою помощницу. Для журналистки девушка хлопала ресницами слишком невинно. Карсавина смутилась.

– Да, Ида же танцевала Клеопатру... Она сказала, что в балете Вацлава будет участвовать только через свой труп. Потом он предложил эту роль мне... И я... Ида же была ученицей Михаила Фокина. Как она могла согласиться танцевать под руководством Вацлава?

– Как вы считаете, кто убил Чумакова? – спросил Ленуар, наблюдая за реакцией балерины.

– Не знаю. Нижинский?.. – вырвалось у Карсавиной. Девушка залилась краской и добавила: – Они всегда друг друга недолюбливали...

Следующим на допрос спустился бледный молодой танцовщик. Ленуар записал его имя «Александр Кочетовский» и снова задал те же вопросы. Кочетовский подтвердил, что Нижинский был во время репетиции «Дафниса и Хлои» на сцене. В отличие от Карсавиной, он не скрывал своего волнения:

– Мы все собрались внизу. Когда на носу премьера, никто не сидит на месте! На премьере решается судьба спектакля. Потом уже ничего не изменишь. Спектакль запомнится таким, каким его увидели на первом представлении. Мы собрались все вместе. Еще ходила уборщица, но остальные все наши. Может, среди французов-фигурантов были незнакомцы, я до сих пор их не всех знаю. Запомнил только тех, кто участвовал в «Петрушке». Там француженки не хотели подвязывать платки под подбородком, а надевали их по-модному, набок, чтобы из-под платка торчали локоны... Они нам всем тогда изрядно потрепали нервы, особенно Броне. Но в любом случае Дягилев незнакомцев бы не пропустил... А Чуме правда вышибли мозги?

– Правда, – сухо ответил Ленуар. Артист балета оказался очень разговорчивым, этим следовало воспользоваться. Сыщик задал свой следующий вопрос: – Как к Григорию Чумакову относились в труппе?

– Его все любили. Чумаков хорошо танцевал характерные танцы. Не хуже Нижинского, между прочим, только прыгать так высоко не умел. Но из нас никто так высоко не умеет прыгать, мы с этим давно смирились. Можно сказать, наелись этих кислых щей, – рассмеялся Кочетовский. – Ваце тоже несладко. Публика ведь на него с Карсавиной собирается. Весь успех лежит на их плечах. Но говорят, что Дягилев хотел заменить Вацу. Я не верю, конечно. Мы с Гришкой много вместе работали, он бы мне о таком рассказал. С другой стороны, зачем бы Дягилев его вызвал в Париж?

– А как вы сами относились к Нижинскому? С ним вы тоже дружили? – спросила Николь.

– Он гений танца и фаворит Дягилева, как можно к нему относиться? – Кочетовский моргнул и потер кончик уха. – Я с ним дружил, да. Но с ним сложно дружить, он одиночка. Революционер. Фокина тоже считают революционером, а тут появился Нижинский. Вот такой у нас в театре новый расклад.

– Как Фокин относится к Нижинскому? – спросил Ленуар.

– Фокин очень чувствительный. И Нижинский тоже. Они оба очень талантливы и упрямы. Нижинский молод, но тоже умеет постоять за себя. Даже Дягилев хотел заставить его изменить балет, но тот сказал, что скорее уйдет из «Русских балетов», чем изменит что-то в своей постановке. Говорят, что его очень поддержал Лев Бакст. Это потому, что они оба ходили в Лувр изучать вазовую живопись. Говорят даже, что скоро Фокин уйдет от Дягилева, что создаст собственную антрепризу. Только это я так, между нами. Хочется, чтобы это дело побыстрее закрыли. Очень уж Броня переживает из-за всего.

– Вы имеете в виду Брониславу Нижинскую? Где она сейчас? Почему ее нет на репетиции? – Ленуар еще раз обвел глазами сцену. Сестра Нижинского до сих пор не появлялась.

– А вы не знали?..

– Чего я не знал? – спросил Ленуар.

– Броня сегодня пошла на службу в церковь. Она очень набожная. Сергей Павлович ей позволил...

Ленуар отпустил танцовщика и подчеркнул в своей записной книжке название церкви.

– Можно я следующая? Иначе мы не успеем потом на репетицию «Фавна», – спросила молодая танцовщица у Николь. Журналистка в ответ показала ей на кресло перед Ленуаром.

– Как вас зовут? – спросил сыщик.

– Лидия Нелидова. – У артистки балета была благородная осанка и длинные волосы, а в глазах ее горел почти такой же огонек любопытства, как у Николь, когда она чуяла, что может добыть еще не известные никому сведения. Словно уже выучив свою роль, девушка сразу перешла к делу: – Во время репетиции я танцевала с другими артистами, было так много работы, что, даже если бы захотели, мы бы не смогли подняться в уборную к Нижинскому. Да и сам Вацлав был с нами. Он спустился только один раз в партер, чтобы поговорить с Сергеем Павловичем.

– Хорошо, вы заметили среди присутствующих незнакомых людей? – спросил Ленуар.

– Здесь театр. В театре везде гримеры, одевальщицы, реквизиторы, монтировщики сцены, рабочие... Всех не упомнишь! Вернее, мы знаем всех наших, но Сергей Павлович каждый день приглашает в театр газетчиков, дипломатов, балетоманов, чтобы показать, как мы работаем. Многих из них мы не знаем. И потом в день премьеры я ни на кого не смотрю, просто молюсь, чтобы все прошло хорошо.

– Это была важная для вас премьера? – спросила Николь.

– Да, мы же показывали «Фавна». Столько репетиций...

– Вы участвовали в спектакле? – продолжила Николь.

– Да, я танцую одну из нимф.

– Почему вы согласились танцевать в спектакле Нижинского? – спросил Ленуар. – Ида Рубинштейн и Тамара Карсавина отказались...

– На самом деле Ида Рубинштейн сразу поняла, что не потянет эту роль. Когда мы начали репетировать, я тоже сначала очень пожалела, что согласилась танцевать нимфу. В этом балете все наоборот: нет ни одного удобного шага. Если ноги и голова повернуты влево, то корпус обязательно вправо... Очень-очень сложно. Вацлав долго не мог понять, почему, когда он или Броня показывали движения, у них все легко получалось, а мы перемещались неуклюже, как куклы. Это сейчас я выучила движения. Может, балет и выглядит нелепо, но это новое слово в танце. Нет, я не жалею, что согласилась. – Нелидова говорила одними губами, как заворо-

женная. Ее тонкое тело, казалось, постепенно поднималось и парило над креслом. – Вацлав – выдающийся актер. Вы видели, как он играл Петрушку? Ему очень хорошо удаются сцены смерти.

– А как вы относились к Чумакову? – спросил Лемуар.

– Он всегда был заводилой, любил пошутить, любил розыгрыши. Но я не знала, что он приехал в Париж. Я думала, что он болеет. Мы ждали его только в Монте-Карло. Нам так Фокин сказал.

– Вы работали и с Нижинским, и с Фокиным, у них разный подход к постановке балета? – спросил Лемуар, снова делая пометки в записной книжке.

– Фокин на репетициях всегда кричит. Но он предоставляет нам свободу. Фокин дает рисунок танца и показывает основные па, предоставляя нам самим разрабатывать свои роли. А Нижинский просто приходил в ярость и диктовал нам все, все детали. Он постоянно повторяет, что каждое движение точно должно соответствовать музыке и его замыслу. Если бы только он умел четко объяснить свой замысел, а не без конца показывать нам одни и те же позы, то было бы проще. Но я никогда не пошла бы в новую антрепризу Фокина: у него нет организаторских способностей. Раньше он и себя не мог организовать: всегда приходил на репетиции с опозданием. Разве может ожидать успех балетмейстера без делового чутья? Каждый должен заниматься своим делом, а в этом году, наоборот, каждый претендует на место другого. Бакст говорит, где и как танцевать, Фокин указывает Дягилеву, как организовывать спектакли, Нижинский ставит новый балет, а Стравинский говорит, какого цвета рисовать декорации...

Николь и Лемуар переглянулись. Для таких здравых утверждений Лидочка Нелидова выглядела еще совсем юной.

– Как вы думаете, кто мог застрелить Чумакова? – спросил сыщик.

Артистка опустила глаза. На этот раз ее ответ полностью соответствовал ее возрасту:

– Его убила любовь к искусству. Я думаю, он застрелился. Из-за несчастной любви к искусству.

Лемуар отпустил девушку и помассировал себе виски. Здесь каждый второй любил искусство и недолюбливал ближнего своего.

– Прекрасная балерина... – вздохнул сыщик. – Жаль, что на репетициях они не в белых тюниках, как на фотографических открытках.

– Что? Белые тюники уже давно в прошлом. Но, кстати, их тоже ввели русские.

– Они напоминали вам снежинки?

– Какой вздор! – закатила глаза Николь. – Стоит заговорить о России, все только и твердят, что о холоде и снеге! Нет, простые белые тарлатановые тюники ввели для кордебалета «Жизель». К тому же по правилам противопожарной безопасности их предварительно смачивали специальным раствором, поэтому тюники не снежно-белые, а кремовые. Танцовщицы должны были исполнять роли вилис, умерших до свадьбы невест. Белый цвет тюник – это цвет смерти, белых привидений. В балете вилисы собираются убить Альберта, но погибшая Жизель спасает ему жизнь.

– Как романтично! У русских все балеты про смерть? – повел усами сыщик.

– У русских все балеты про любовь, Лемуар! Любовь сильнее смерти! И дело здесь не в том, русский это танец или греческий. Ты просто, как любой француз, думаешь, что воплощаешь цивилизацию! И это позволяет тебе с заведомым невежеством относиться к культуре моих предков.

– Древние греки были не только твоими предками...

– А скифы?

– У нас тоже в истории были свои «скифы». Мы называли их «галлами». Каждая цивилизация построена на смеси собственных «галлов» и «римлян». И в разные эпохи люди ассоциируют себя либо с варварами, либо с цивилизацией завоевателей.

– А ты себя с кем ассоциируешь?

– Я француз, и от этого никуда не денешься. Мои предки уже десять веков живут на этой земле. Как ты понимаешь, воображению есть где развернуться в семейной ретроспективе.

Опросив еще полдюжины артистов, Ленуару очень захотелось поговорить с кем-то по-французски без перевода.

Пьер Монтё! Дирижер Русских сезонов этого года, вот кто был ему нужен! Когда Николь увидела свою подругу Люси и пошла с ней поговорить, Ленуар направился к музыкантам.

– Господин Монтё? Могу я задать вам пару вопросов?

– Да-да. Одну минуточку! Я ждал, когда вы освободитесь. Да, мне тоже есть что сказать полиции, – засуетился дирижер. – Вы слишком мягки с русскими танцовщиками. Они с вами сразу расправляют крылья. А Фокин и Дягилев держат обычно всех в узде.

– Вас тоже? – спросил Ленуар у молодого трясущегося дирижера.

– Нет. То есть я отвечаю только за музыку... Меня взяли, потому что в этом году у них балеты на музыку французских композиторов, понимаете? Мы играем Дебюсси, Гана и Равеля. А еще этого русского гения ритма, Игоря Стравинского, будь он не ладен... В этом году программа антрепризы словно сама по себе символизирует франко-русский союз: декорации и танец – русские, а музыка – наша.

– Чем вам насолил Стравинский? Это его музыку вы вчера играли?

– Да-да. Мы играли Стравинского. Он самобытен, но очень уж у него сложная для наших музыкантов партитура. Я даже сам вынужден был разбирать с ним отдельные куски, – ответил Монтё. – Например, когда вылезает нечисть Кощея, ритм для нас слишком ломаный...

– Слышали ли вы звук выстрела во время репетиции? – спросил Ленуар.

– Нет. Если выстрел и был, то точно не во время репетиции. Иначе мы бы услышали.

– Тем не менее выстрел был.

Монтё растерялся, похлопал себя по карманам, но потом, словно спохватившись, ответил:

– Тогда он прозвучал одновременно с литаврами. Это единственный инструмент, звучание которого могло бы заглушить звук выстрела из револьвера.

– А разве я говорил, что стреляли из револьвера?

– Ну... Я просто предположил. Не из ружья же стрелять в человека. А револьвер можно легко спрятать...

– Монтё, а у кого из русских балетмейстеров, по-вашему, лучше слух: у Фокина или у Нижинского?

– У них у обоих хороший слух! Да-да. Только Фокин свободно читает партитуры, а Нижинский – с трудом. Однако он без нот может сыграть любой музыкальный отрывок. Для этого ему достаточно один раз услышать музыку. У Нижинского определенно есть слух на фальшивые ноты и на сбои в темпе. Если он не всегда может объяснить, что именно не так, фальшь он распознает безошибочно.

После разговора с Монтё Ленуар окинул взглядом сцену. Без хореографов и руководителей в театре по-прежнему царил хаос. Каждый занимался своим делом, и совокупность этих дел походила на развороченный муравейник, где каждый все еще нес свою хворостинку, но не знал куда и зачем. Николь по-прежнему говорила с Люси.

– Познакомься, Габриэль, это...

– А мы уже знакомы, – заулыбалась девушка.

– Правда? Мы с Люси когда-то вместе работали в магазине *Bon marché*.

– Да, только я всегда хотела танцевать. Частные уроки брала, но мне сказали, что путь на сцену для меня закрыт. Ноги уже не те, – призналась Люси.

– Но она все равно попала на сцену! Только в качестве фигурантки! – с гордостью за подругу сказала Николь.

– Тогда понятно, откуда вы знаете Нижинского, – заметил Ленуар.

– Вацлав – гений. Среди французских фигурантов его не воспринимают всерьез, потому что он почти ни с кем из нас не говорит, а все репетиции «Фавна» проводит наверху со своими. Но он русский Вестрис, и я очень надеюсь, что в следующем балете он задействует и нас.

– Наверное, за это время он вернется в Россию и наберет там новых танцовщиков, – сказала Николь.

– А он не вернется в Россию.

– Что вы этим хотите сказать, мадемуазель? – спросил Ленуар.

– Нижинский не может вернуться в Российскую империю, потому что его уволили из «Императорских театров» за то, что он вышел танцевать в одном трико перед императрицей. А все танцовщики без государственного контракта подлежат мобилизации на воинскую службу.

– Возможно, воинская служба пошла бы ему на пользу, – сказал Ленуар, заранее зная ответ. Воинская обязанность коренным образом изменила его собственную жизнь, но это еще не значит, что она одинаково всем полезна.

– Это бы разрушило его карьеру. Он ведь не воин, а танцовщик, – со знанием дела заметила Люси. – С тех пор он разъезжает по европейским турне и боится, что, вернувшись в Россию, его призовут. Дягилев обещал помочь с отсрочкой, но говорят, что на самом деле он предпочитает удерживать своего солиста при себе.

– Так, значит, Нижинского уволили за трико?

– Говорят, что против него царскую семью настроила сама Матильда Кшесинская, – продолжала рассказывать Люси, радуясь, что она может блеснуть такими подробными знаниями о русском балете перед подругой и перед представителем полиции.

– Кшесинская – это самая знаменитая балерина в России, – пояснила Николь.

– Да, до Нижинского она была единственной примой, которая управляла театром по своему усмотрению. Сама выбирала себе балеты, сама решала, как распределить роли. Но с приходом Фокина и Нижинского все изменилось. Они создали сольный мужской танец, которому аплодировал не только раек, но и партер. А партер и ложи Кшесинская считала своей собственностью. Двум звездам в русском балете не было места на одной сцене. Особенно двум звездам польского происхождения...

– А сестра Нижинского осталась с братом?

– Да, она тоже уволилась и поехала с Вацлавом выступать в антрепризе Дягилева. Говорят, что в нее влюбился Шаляпин, но она его отвергла. Или он ее отверг, потому что был женат. В любом случае Броня сейчас нашла ему замену среди русских танцовщиков.

– Это был Чумаков? – спросила Николь.

Не попрыгунчик

Когда официант вынес Фокину на террасу кафе «Отеля де монд» чай с бергамотом, Ленуар заметил, что на столе уже четыре пустых чашки севрского фарфора.

– Ах, наконец-то! Я вас жду с самого утра, мсье Ленуар! Каждый день думаю, что хуже быть не может, но каждый день готовит мне все новые и новые сюрпризы. Похоже, что теперь меня допрашивают в последнюю очередь, – сказал Фокин, подзывая официанта. – Уберите уже, наконец, пустые чашки!

Французский господина хореографа находился еще в стадии активного изучения, поэтому вместо «уберите» Фокин сказал «поднимите». Официант сначала не понял, что от него требуют, поэтому просто поднес последнюю чашку чая прямо к губам клиента. Последний закатил глаза и показал жестаи, чтобы чашку опустили перед ним на стол. Официант пожал плечами и исполнил приказ. Эти русские такие капризные, никогда не знаешь, что им взбредет в голову. Ленуар не стал вмешиваться в инцидент.

– Господин Фокин... – начал он.

– Вы уже наверняка допросили Нижинского, да?

– Нет, в первую очередь я допрашиваю вас.

Фокин сжал губы, вытянул их в трубочку и скрестил перед собой руки.

– Что вы делали вчера с четырех до восьми? – спросил Ленуар.

– Вы что, смеетесь надо мной? – Фокин удивился, но его руки продолжали сжиматься на груди. – Я главный хореограф антрепризы Дягилева. Я репетировал!

– Отлучался ли кто-то из ваших танцовщиков во время репетиции?

– Я следил только за теми, кто был в это время на главной сцене.

– Какой спектакль вы репетировали?

– Как какой? «Дафниса и Хлою». Нам еще осталось поставить несколько заключительных сцен... А премьера уже на носу. Потом мы прошли «Синего бога» и «Жар-птицу», но «Жар-птицу» – только для поднятия общего духа. Труппа танцует этот балет уже полтора года.

– Разве вы еще не поставили свой балет? Нижинский в нем тоже участвует? – спросил Ленуар.

Фокин молча посмотрел на Ленуара, словно подбирая правильные слова так, чтобы французскому полицейскому сразу все стало понятно:

– У меня было недостаточно времени для постановки «Дафниса и Хлои». Не-до-ста-точно! Так и передайте Дягилеву! У Нижинского была возможность репетировать свой балет более сотни раз! А мне специально не дают репетировать.

– Кто вам не дает репетировать? – спокойно спросил Ленуар.

– А вы спросите у Сергея Павловича, кто не дает мне репетировать. «Дафнис и Хлоя» – это самый первый балет, который я хотел поставить. Еще с тех пор как увидел в Гостином Дворе у Вольфа в Петербурге книгу Лонгуса «Дафнис и Хлоя». Можно сказать, что весь мой путь балетмейстера начался с этой истории любви пастуха и пастушки на острове Лесбос... Я ходил в Публичную библиотеку к Стасову. Тот сказал, что до меня никто, слышите? никто из хореографов не изучал книги о греческих танцах и вазовой живописи. Да что я с вами тут лясы точу, вы француз, вам не понять! – Фокин отхлебнул чая и поморщился.

– Вы испытываете профессиональную ревность к Нижинскому, тут как раз все очень понятно, – заметил Ленуар, заказав себе кофе.

– Профессиональную ревность? Нет, меня мучит не это. Меня мучит чувство несправедливости. Я поставил танец Фавнов задолго до Нижинского, еще в балете «Ацис и Галатея». И это был настоящий танец с акробатическими номерами, а не эти плоские фигуры на сцене, которые изобрел Нижинский, – ответил Фокин, снова скрещивая руки на груди.

– Из-за того что в программе «Русских балетов Дягилева» премьера его балета состоялась раньше премьеры «Дафниса и Хлои»? – спросил Ленуар.

– О каких «Балетах Дягилева» вы говорите? Насколько мне известно, Дягилев – импресарио, а не балетмейстер. Это мои балеты, а не балеты Дягилева. Разве Дягилев поставил «Половецкие пляски»? Нет, он просто предложил показать мой балет в Париже. Дягилев – мастер изменять названия. «Клеопатра» – это часть балета «Египетские ночи». «Сильфиды» – это мой балет «Шопениана». Или, может, «Жар-птицу» тоже создал Дягилев, а не мы со Стравинским сидели и одновременно сочиняли музыку и балет?

– Я не так хорошо разбираюсь в балете, мсье Фокин, но без Дягилева ваш балет бы никто в Париже не увидел, разве не так? – спросил Ленуар.

Фокин глотнул чай и на этот раз решил добавить в него ложку сахара.

– Я не спорю, организатор он превосходный, но это не дает ему права присваивать свое имя чужим балетам. Его дело – финансовая сторона. Для меня деньги важны, но стать частью истории – еще важнее. А Дягилев лишен творческого начала, поэтому хочет его купить, присвоить. Сам он не способен на творчество, поэтому паразитирует на других. Вам может показаться, что я позволяю себе резкости, но условия проведения этого сезона окончательно убедили меня в том, что он будет для нас с моей женой Верой последним в антрепризе Дягилева. Хватит обманываться и ходить у него в холопах.

– Значит, дело не в Нижинском?

– А при чем здесь вообще этот танцовщик? Нижинский – выдающийся артист балета, но желание Дягилева сделать из дикаря балетмейстера смешно. Нижинскому для творчества не хватает образования. Он мало начитан! Да и что он изобрел в «Фавне»? К теме античного танца без пуантов я уже несколько раз обращался в своей работе. Нижинский прекрасно танцует и высоко прыгает. А мой отец никогда не хотел видеть во мне только «попрыгунчика». И я не попрыгунчик! Я революционировал русский балет. Я, а не Нижинский.

Фокин наконец начал успокаиваться. Словно для этого ему нужно было выговориться перед незнакомцем, и теперь он чувствовал себя гораздо лучше.

– Как же вы смогли сработаться вместе? – спросил Ленуар.

– Мы с Вацлавом всегда хорошо работали вместе. Равновесие терял только Дягилев. Он специально устроил этот скандал вокруг «Фавна», чтобы никто не заметил моего «Дафниса и Хлои». Дягилев знает, что делает. Скандал, сенсация, борьба сторонников и противников «нового явления» на парижской сцене... Все это несомненно привлечет внимание к «Русским сезонам». Не могли подождать, пока я уйду! Вас вот тоже подослали под меня копать... – Фокин жестами показал, как, с его точки зрения, Ленуар орудует лопатой. Сыщик улыбнулся: даже такой грубый жест в движениях хореографа выглядел очень грациозно.

– Почему вы считаете, что все направлено против вас? – спросил Ленуар. – Ведь подобные скандалы бросают тень на всех русских, на всю русскую культуру.

– Дягилев изначально делал все, чтобы испортить мою премьеру! Про репетиции я уже говорил. Для «Фавна» Бакст создал новые декорации и костюмы, а для «Дафниса и Хлои» использовались старые. Еще совсем недавно Дягилев хотел поставить мой балет на поднятие занавеса, в то время как премьеры даются во второй части, когда публика уже собралась и заняла свои места. Да даже то, что вы сейчас говорите не с Нижинским и Дягилевым, а со мной, разве не свидетельствует о том, что все против меня? Они даже живут в отдельном отеле. Мы живем здесь, а они в «Отеле де Олланд».

– А Чумаков где поселился, когда приехал в Париж? – спросил Ленуар.

– До вчерашнего убийства я даже не знал, что Чумаков был в Париже. Видимо, он жил с ними, а не с нами. Лучше спросить об этом у Дягилева, а не у меня. Я не дарю своим солистам кольца с сапфирами...

Ленуар вспомнил о перстне, который видел на столешнице в уборной Нижинского, и спросил:

– А кольцо с сапфиром Нижинскому подарил Дягилев?

– Дягилев много всего подарил Нижинскому. На то ведь и нужны фавориты, чтобы получать первые роли и подарки с барского плеча, – сказал Фокин, допивая свой чай. – Теперь я могу отправляться на репетицию? Кажется, я ответил на все ваши вопросы.

– Нет, сегодня представления не будет, а значит, и репетиция отменяется.

– Кем? Дягилевым? Да он...

– Нет, не Дягилевым. Репетицию отменил я. Ответьте еще на один вопрос, мсье Фокин.

– И после этого я смогу подняться хотя бы к своей супруге, в номер?

– Да. Почему вы назвали Жана Кокто «теткой»?

Фокин вытер губы салфеткой и с удивлением сказал:

– Разве? Я никогда его так не называл. Вам, должно быть, слышалось.

Кто-то должен умереть

«Отель де Олланд» находился в двух шагах от Оперы Гарнье. Типичный парижский отель для тех, кто не хочет привлекать к себе лишнего внимания. В фойе огромные зеркала не преумножали эго столичных денди, а швейцар был вежлив с той неназойливостью, которую Ленуар особенно ценил в работниках гостиниц. Он по опыту знал, что подобное качество обычно сопровождалось наблюдательностью, а где наблюдательность, там и ценные сведения о постояльцах.

К визитам агентов Безопасности в гостиницах относились спокойно, но обычно это были сотрудники из бригады нравов или из бригады полицейских, следящих за порядком в доходных домах с меблированными комнатами. Когда Габриэль Ленуар сказал, что он из бригады краж и убийств, швейцар побледнел и отправил посыльного за администратором.

– У нас никого не убивали и о кражах никто не заявлял, мсье. Или... Вы думаете, что в отеле поселился убийца или вор?

– В вашем отеле поселились Серж де Дягилефф и Вацлав Нижинский, – сухо ответил Ленуар. Ему не хотелось спешить с выводами о принадлежности русских к той или иной преступной категории. – С ними живут другие русские танцовщики?

– Нет. Живет еще один русский, но я не знаю, кто он. Дягилев и Нижинский всегда ходят вместе. У них есть еще собственный слуга. Они не хотят, чтобы им прислуживали наши бонны.

– В каких номерах они поселились?

– В смежных, на втором этаже.

– Хорошо, сегодня они ночевали в отеле?

– Да.

– Во сколько они прибыли в отель?

– Около часа ночи.

– Одни или в компании?

– Одни.

– Вы сказали, что в отеле живет еще один русский. Как его зовут?

– Кажется, Чумакофф. Но он со вчерашнего дня не возвращался.

Как и предполагал Ленуар, швейцар оказался очень наблюдательным малым. С ним бы еще потолковать, но тут подоспел администратор гостиницы. Этот человек с редкими волосами держался так прямо, что казалось, даже его голова была не способна наклоняться, а только поворачивалась вправо или влево. Он напоминал кукушку, которая крутила головой и периодически опускала нижнюю часть клюва, чтобы повторить очередное «ку-ку!».

– Мсье, мы рады приветствовать вас в «Отеле де Олланд». Чем я могу быть полезен?

– Скажите, кто, кроме Дягилева и Нижинского, проживает у вас из труппы русских танцовщиков?

– Серж де Дягилефф и мсье Нижинский – почетные гости нашего отеля. Могу я поинтересоваться, что случилось?

– Нет, но вы все еще можете быть полезны. Если ответите на заданный вопрос.

Администратор захлопнул клюв и повернул голову к своей стойке.

– У нас проживает еще один русский, но я не помню его фамилию... Одну минуточку...

– Проверьте, пожалуйста, регистрационную книгу.

Пока администратор листал книгу, его голова не сдвинулась ни на сантиметр вниз. Он только опустил глаза, отчего они казались почти закрытыми.

– У нас проживает еще Григорий Тщу... Чу...

– Чумакофф? Покажите мне список, – не выдержал Ленуар и повернул книгу к себе. Судя по последним записям, выходило, что Чумаков заселился в свой номер только в понедельник. А

убили его вчера, в среду. Желание импресарио поселиться в отдельном от своей труппы отеле не похвально, но вполне понятно. После того как целый день проведешь в театре, управляя этой пестрой толпой, вечером сердце просит уединения и покоя. Но что в отеле делал Чумаков?

– Этот господин не ночевал сегодня в отеле. Вы из-за него пожаловали к нам в гости? – проявил чудеса аналитического мышления администратор.

– Могу я осмотреть его комнату?

– Только в моем присутствии, господин полицейский.

Они поднялись на второй этаж. Администратор открыл дверь и остановился посреди комнаты, как центральная ось в часовом механизме. На осмотр много времени не потребовалось: все было в идеальном порядке, словно здесь никогда не проживала даже мышь. Чистый пол, свежее белье от прачки на кровати, открытое окно и горшок с фиалками. Шкафы стояли пустыми.

– Почему здесь так прибрано? Вы уверены, что это комната Григория Чумакова?

– В нашем отеле останавливаются очень взыскательные гости. Горничная убирает каждое утро. Наш девиз – гигиена и комфорт! – с легким поклоном ответил администратор.

– Могу я поговорить с мсье Нижинским? – спросил Ленуар.

– Вацлав Нижинский уже уехал с Сержем де Дягилевым.

– Куда?

– Не могу знать, господин полицейский.

Опять это «ку-ку»... Судя по седым вискам, администратор гостиницы давно здесь служит. Такие люди в какой-то момент начинают думать, что они не работают в отеле, а владеют им и великодушно позволяют жить в нем гостям из разных стран. Если «работники» еще считают своим долгом служить посетителям отеля, то «хозяева» уверены, что посетители должны служить им.

Ленуар подошел к швейцару и спросил у него, помнит ли он, куда уехали Дягилев и Нижинский.

– Они два часа назад спустились откусать завтрак, а потом прочитали газету и в спешке покинули ресторан. А куда ушли, не сказали. Шофера вызывать тоже сегодня не стали.

– А какую газету они читали за завтраком?

– Как какую? У нас только иностранные листки и Le Figaro...

Конечно, какую же еще газету могли читать русские в отеле, который претендовал на статус «элегантного отеля рядом с Оперой»? Только Le Figaro. Нет, это была не самая популярная газета, как Le Petit Parisien, где работала Николь. Но именно этот мастодонт французской прессы определял общественное мнение в самых высших кругах «элегантной публики». Среди подписчиков Le Figaro были принцы, герцоги, графы, крупные буржуа, уже считающие себя официальной элитой Франции, и мелкие буржуа, скрупулезно изучающие вкусы всех этих замечательных людей, чтобы как можно точнее им соответствовать.

Николь тоже сегодня упоминала о статье в Le Figaro. Что же там написали? Ленуар спустился в салон и взял свежий номер газеты. Она состояла из восьми страниц. На первой публиковались самые горячие новости и депеши из других стран; на второй – политические обзоры, выдержки из газет и фельетон; на третьей – театральная афиша, спортивные обозрения и последние результаты скачек; на четвертой и пятой – различные объявления, анекдоты, письма и телеграммы, а три последние страницы занимала реклама.

Элегантная публика любила читать газету, потому что там она читала о себе в рубриках «Мир и город», «Салоны», «Клубы», «Благотворительность», «Посольства», «Светские новости»... Смысл этих рубрик был один: сообщать о том, что случилось в самых влиятельных французских семействах, включая хронику рождений, смертей и торжественных бракосочетаний. Читая газету, подписчики могли спокойно шагать не просто в ногу с прогрессом, а в ногу со своим временем, что было гораздо важнее.

Главным редактором Le Figaro с 1902 года был Гастон Кальмет. И к 1912 году он уже давно считал себя ее хозяином. Именно Кальмет задавал тон газеты, сначала подстраиваясь под вкусы своих читателей, а потом диктуя свои. Расследуя дело о гибели Софии фон Шён¹, Лёнуар узнал, что брат главного редактора газеты Альбер Кальмет работал с Камилем Гереном в лильском Институте Пастера над созданием вакцины против туберкулеза. Просто удивительно, насколько разный путь выбрали братья! Младший подался в науку, а старший, став зятем владельца Le Figaro, возглавил редакцию самой влиятельной газеты Франции.

Нужный текст Лёнуар увидел сразу. Заголовок к статье о вчерашней премьере русского балета был напечатан мелким шрифтом, но на самой первой странице. Несмотря на маленькие буквы, от внимательного читателя не могло ускользнуть, что только эта заметка вышла за подписью главного редактора газеты.

ЛОЖНЫЙ ШАГ

Читатели не найдут на привычном месте под рубрикой «Театр» отзыв нашего уважаемого сотрудника Робера Брюсселя на премьеру «Послеполуденного отдыха фавна», хореографической картины Нижинского, поставленной и исполненной этим удивительным артистом.

Я не допустил, чтобы она была напечатана.

Нет смысла судить здесь о музыке Дебюсси, которая к тому же не составляет новости, так как написана почти десять лет назад...

Но читатели Le Figaro, побывавшие вчера в «Шатле», не станут возражать, если я выражу здесь свой протест против самого невероятного из виденных ими зрелищ, которое нам предложили под видом серьезного спектакля, претендующего на принадлежность к высокому искусству, гармонию и поэтичность.

В действительности же те, кто говорит об искусстве или поэзии в связи с этим представлением, издеваются над нами. Это и не грациозная эклога, и не философское произведение. Перед нами не знающий стыда Фавн, чьи движения гнусны, чьи жесты столь же грубы, сколь непристойны. И не более того. Справедливыми свистками была встречена столь откровенная мимика этого звероподобного существа, чье тело уродливо, если смотреть на него спереди, и еще более отвратительно, если смотреть в профиль.

Эту животную реальность достойный уважения зритель не примет никогда.

– Разве вы сегодня не должны быть в театре? – Русский бульдог посмотрел на сыщика через монокль. Дягилев выглядел так, словно он только что побрился и вышел в свет. – Я очень рассчитываю на вашу помощь и поддержку. Читаете, что сегодня написал Кальмет?

– Кажется, статья уже наделала шума. Сложно было ее пропустить, – ответил Лёнуар.

– Скандал не в том, что он написал. Скандал в том, что теперь даже русский балет, культура становятся заложниками политики, мсье Лёнуар.

– Вы считаете, что это связано с действиями Российской империи на Балканах?

– Если балканский вулкан взорвется и Австро-Венгрия выступит против России, Франция будет вынуждена столкнуться с Германией. А этого сейчас никто не хочет. В статье Кальмета я вижу попытку французского правительства охладить во французах симпатию к русским, чтобы развязать себе руки в дипломатии. А что может быть эффективнее, чем назвать нас в очередной раз «варварами»?

– Эта заметка ничего не изменит в отношении к русским. В политических вопросах, насколько мне известно, самое главное – не кого французы любят или не любят, а кого они ненавидят или боятся. А боимся мы не русских, а немцев. Думаю, что Гастону Кальмету просто мало заплатил российский посол за дружбу и лояльность самой влиятельной газеты Франции. А что еще вероятнее, ему за эту статью кто-то заплатил больше русских.

¹ Читайте об этом расследовании в романе «Черный, как тайна, синий, как смерть».

Дягилев несколько секунд рассматривал Ленуара в монокль, словно увидел его впервые. Затем он отложил газеты и сказал:

– Мы сегодня с Вацлавом были у Астриюка. Самое удивительное, что даже он не знает, откуда ветер дует. Обычно критик Робер Брюссель занимает очень благосклонную позицию по отношению к русским балетам. Я представить не могу, почему Кальмет запретил печатать его статью. Астриук обещал разобраться. Но на все нужно время, а времени у нас нет: завтра следующее выступление. Я написал письмо Родену, чтобы он вступился за спектакль. Вчера он был на премьере, и у него остались самые приятные впечатления...

– Мсье де Дягилефф, почему Чумаков приехал в Париж и почему он поселился в вашем отеле? – перешел к делу Ленуар.

Дягилев прикусил верхнюю губу – тоненькая полосочка его усов изогнулась.

– Кажется, вы действительно умеете добывать информацию, мсье сыщик. Вы знаете, очень сложно управлять балетной труппой. – Голос Дягилева поднялся на один тон выше. – Я прилагаю все усилия, чтобы показать Западной Европе русское искусство. Когда речь идет об опере, все понимают, что это серьезно. Когда речь идет о живописи, за художников говорят их картины. За музыкантов – их инструменты. А балет всегда воспринимали как нечто несерьезное, созданное только для мимолетного развлечения. Я это изменил. Проблема в том, что талантливые танцовщики – молодые люди. А молодой коллектив парадоксален. Он стремится к разрушению правил и одновременно не может существовать без сильной, авторитарной власти.

– А вы обладаете такой властью? – спросил Ленуар.

– Властью нельзя обладать. Положение вожака стаи следует сначала заслужить. А дальше все подчиняется законам природы: члены стаи слушают своего вожака, а он защищает их от врагов. Все артисты балета для меня как дети. Они творят с детским запалом. И это очень ценно. Просто иногда они с таким же запалом совершают глупости.

– И какую глупость совершил Чумаков?

– Чумакову я обещал, что возьму его в труппу выступать в Лондоне и Монте-Карло. На тот случай, если Нижинский не сможет. Он в последние месяцы работает на износ. Я давно знаю Вацлава: после сильных нагрузок он обычно заболевает. Конечно, делает он это неспециально, но такова его творческая натура. Я ждал Чумакова в Лондоне, а он без спросу приехал к нам в Париж. Вацлав был вне себя. Стал мне угрожать. И все это накануне его премьеры как балетмейстера. Пришлось снова сглаживать острые углы, я запретил Чумакову появляться в театре «Шатле» до премьеры. Но у меня в труппе – дети. У них в голове звучит только «я», «я» и снова «я».

– Это вы велели убрать номер Чумакова? – спросил Ленуар.

Дягилев посмотрел на сыщика с нескрываемым удивлением.

– Нам с вами явно повезло, мсье Ленуар. Неужели это так очевидно? – спросил импресарио.

– Каким бы человек ни был аккуратистом, он никогда не оставит свою комнату в таком гигиенически чистом виде. А кроме вас, никто бы не успел заказать уборку, не привлекая к себе внимания...

– Когда Чумаков приехал, они с Нижинским крепко поссорились. Я боялся, что после убийства в «Шатле» полицейские... То есть вы не станете долго разбираться во всех нюансах, а просто найдете в комнате Чумакова какую-нибудь пуговицу от манжет Вацлава и арестуете моего первого солиста. Теперь я вижу, что ошибся, но времени на раздумья у меня не было. В первую очередь я хотел защитить интересы труппы.

– Значит, вы все-таки верите в невиновность Нижинского?

– Он еще мальчик, который не научился врать... Он безусловно чрезмерно капризен. Но он не стал бы мне врать.

– Кто придумал поставить «Послеполуденный отдых фавна»?

– Я. Мы были в Венеции, на площади Св. Марка. Этот город на воде всегда вдохновлял меня. Обсуждая римскую живопись, я принял ряд поз между колоннами дворца. Вацлаву эти позы напомнили фрески и вазовую роспись. Потом мы поговорили с Бакстом, и я решил купить музыку Клода Дебюсси... Так и началась история этого балета, – Дягилев оперся обеими руками на свою трость и улыбнулся.

– А почему вы не доверили его постановку Фокину? Он же официальный хореограф вашей антрепризы.

– Я вижу, что вы уже успели поговорить с Мишей? – Улыбка с лица импресарио стерлась. – Он очень талантлив, но всегда занят. Мне не хотелось его нагружать новым балетом.

– Но Фокин говорит, что вы специально делаете все возможное, чтобы не показывать публике «Дафниса и Хлою», – сказал Ленуар.

– Фокин вообще очень много разного говорит. Никаких препон я ему не создавал. Его спектакль мы должны были поставить еще в прошлом году, но поставили «Нарцисса». А все из-за того, что Равель не успел сочинить музыку! Пришлось просить Черепнина выручить нас и написать другой балет.

– А срыв репетиций? Фокин утверждает, что «Дафнис и Хлоя» – самый важный для него балет, а вы постоянно откладываете премьеру, – продолжал атаковать вопросами Ленуар.

– У Фокина столько же репетиций, сколько обычно дают на подготовку балета. А по поводу переноса дат... Как я могу переносить даты «Дафниса и Хлои», если балет до сих пор до конца не поставлен? Осталась неделя до премьеры, а последняя часть еще не готова даже в общем рисунке! – Дягилев поднял в негодовании руку. Она дрожала. – От меня всем что-то нужно. Как я устал от капризов этих избалованных детей! Анна Павлова хочет денег и аплодисментов, Фокин мечтает о всемирном признании, Нижинский задумал новую революцию в балете... Все они бросают мне в лицо какие-то требования, а сами боятся своей тени.

Ленуар помолчал, а потом задал следующий вопрос:

– О поклонниках творчества Анны Павловой я знаю. У балерин всегда есть своя свита балетоманов. А у Нижинского много поклонников? Может, убийцей стал один из почитателей его искусства?

У Дягилева выпал из глаза монокль, и он поспешно вернул его на законное место.

– Поклонников, вернее, поклонниц у Вацлава очень много. Иногда нас узнают даже на улице. Женщины любят моего солиста. Мне постоянно приходится его оберегать от слишком назойливого внимания. Так же, как я защищал вместе с Дамбре в 1909 году Анну Павлову. Вацлав – еще ребенок, ему может вскружить голову любая симпатичная барышня. – Дягилев сжал пальцами свою трость и снова улыбнулся. – А между тем, посмотрите, что нам доставили сегодня по почте в закрытом письме!

Дягилев опустил руку в боковой карман, вытащил оттуда конверт и передал Ленуару. В письме лежала пуля, а на клочке оберточной бумаги кто-то написал по-французски: «Она тебя найдет».

– Этот конверт передали на ваше имя?

– Швейцар сказал, что курьер попросил передать конверт «русскому артисту балета». А в отеле сейчас проживает только один танцовщик – Вацлав.

– Но еще вчера их было двое... Вы не против, если я оставлю эту пулю себе?

– Берите. Вацлаву я ее не показывал, иначе он совсем потеряет голову.

– Значит, теперь вы уверены, что убийца не Нижинский?

– Уверен.

– В таком случае позвольте мне с ним поговорить и обыскать его комнату.

Дягилев снова прикусил губу, но затем молча встал и предложил Ленуару жестом следовать за ним. Поднявшись на второй этаж, он открыл ключом дверь в комнату. Здесь пахло свежими цветами. На кровати лежал халат из китайского шелка. На столе из беспорядочной

стопки писем торчали разноцветные сургучные печати. Нижинский сидел у окна. В его глазах отражалась улица. Артист смотрел на нее с тоской заключенного.

– Сергей... Сергей Павлович... – только и смог произнести он при виде Ленуара. – Вы за мной?

– Я к вам, мсье. Нам нужно поговорить.

Взгляд Нижинского остановился на Дягилеве, но, не замечая в импресарио привычной опоры, заметался по комнате, пока не застыл на каминной полке. Там лежала шахматная доска. Игра и для самого Ленуара часто служила лекарством, успокаивающим нервы, поэтому сыщик сказал:

– Хотите сыграть со мной партию в шахматы?

Расчет был прост, как деревянный карандаш: если в шахматы лучше играет Дягилев, Нижинский откажется. Если это его игра, знакомые комбинации ходов помогут ему успокоиться. В любом случае Ленуар ничем не рискует.

– А вы играете? – полушепотом спросил Нижинский. – Я везде стараюсь раздобыть доску. Сергей Павлович даже смеется надо мной. Говорит, что он путешествует с образом Святой Елены, а я с двумя деревянными армиями.

– Вы прекрасно вооружены, – прокомментировал Ленуар.

– Что? Ха-ха-ха! – смех Нижинского наполнил комнату, как стая бабочек. – Сергей Павлович, ты слышал? А я тебе о чем говорю? Видишь, я не один так думаю!

– Господин Ленуар – агент Безопасности парижской префектуры полиции, Вацлав. Он хочет задать тебе вопросы о Чумакове, – смущенно сказал Дягилев. – Поговори с ним, а я пока разберу свою корреспонденцию.

– Да-да, сейчас... – Нижинский раскрыл свою доску и выставил фигуры. – Я готов. Если не возражаете, я начну.

Вацлав сделал первый ход.

– Вы давно знакомы с Чумаковым? – спросил Ленуар.

– Мы учились с ним в Петербурге, но никогда не были друзьями.

– Это правда, что он хотел вас убить?

– Меня? – Нижинский оторвал на секунду взгляд от шахматной доски. – Нет, меня нельзя убить... Чумаков был очень злой. Я... Он называл меня разными словами. Однажды они с друзьями заставили меня пойти к кокотке, отчего я долго болел и не мог танцевать...

– К девушке легкого поведения?.. Интересные у вас друзья. За что же он на вас злился?

– Не знаю. Я думал тогда, что мы друзья. У меня всегда было мало друзей. Они спешили утешать меня, когда я падал... А мне нужны были такие друзья, которые могли порадоваться за меня, когда я взлетал. Таких друзей у меня нет, только Броня. Она всегда рядом. Как и Сергей Павлович. Была еще Анна Павлова. Мы с ней вместе учились у Чекетти. Она бы тоже меня сейчас поддержала.

Нижинский при этом коснулся своего перстня. Того самого, с сапфиром, который Ленуар видел у уборной Нижинского вчера.

– Где вы были до того, как вошли и увидели тело Чумакова?

– Я репетировал с Броней и Нелидовой «Фавна». Знаете, Фокин всегда дает только общий рисунок танца, а я вижу танец сразу. Во всех деталях. Без внимательного отношения к деталям весь танец превращается в жалкую карикатуру на самого себя.

– Вацлав, ты слишком увлекаешься мелочами. Астриук нам то же самое сегодня сказал, – вмешался в разговор Дягилев.

– А почему ты слушаешь Астриюка? Почему ты не слушаешь меня? Я вижу сразу всю картину, каждое движение, каждый наклон головы...

– В любом искусстве важна гармония, – сказал Дягилев.

Нижинский застыл, а потом резко встал, зацепив ногой шахматную доску. Фигуры упали и разлетелись по полу.

– Серж, ты говоришь, как чужой, как французский критик. А это мой балет! Это мой Фавн. Я уже почувствовал его в себе. Теперь движения диктует мне он.

Нижинский быстро собирал фигуры и складывал их в доску. Дягилев подошел к своему солисту и положил руку ему на плечо, взглядом показывая, что Ленуар может идти в соседнюю комнату. Дважды приглашать сыщика было не нужно.

Комната русского Фавна по сравнению с дягилевской напоминала келью. Самым выдающимся предметом было огромное зеркало, стоящее между двух окон, отчего комната выглядела просторнее. В шкафу висела пара костюмов. Небогатый гардероб Нижинского удивил Ленуара. Казалось, танцовщик был абсолютно равнодушен к своему внешнему виду. Огромное зеркало и полупустые шкафы. У кровати стоял пишущий стол, но столешница чернела пустотой. Ленуар дернул ящик. Заперто. Что может скрывать такой прозрачный в эмоциональном отношении артист?

Ленуар огляделся и прислушался. Дягилев в соседней комнате что-то вкрадчиво вещал своему протеже. Попробовать стоило. Агент Безопасности вытащил из сорочки большую английскую булавку, разогнул ее и вставил два острых конца в узкую замочную скважину. Механизм щелкнул, и ящик открылся.

Внутри лежала только одна тетрадь. Ленуар начал ее листать. Круги, круги, одни круги и точки. Рисунки. И никаких записей. Нажим был таким сильным, что очертания отдельных окружностей отпечатывались на следующей странице. Последний заполненный лист топорщился оборванным краем. Зачем эту тетрадь прятать в ящике письменного стола, если в ней нет никаких записей? Ленуар вырвал следующую чистую страницу и внимательно посмотрел на свет. Если закрасить карандашом, то можно...

Сыщик вынул свой карманный рабочий карандаш и принялся заштриховывать часть белого листа. Постепенно стали проявляться новые круги и точки. А потом – строки стихотворения на французском языке:

Я Фавн. Ты мой.
Ты забыл, что Бог существует.
Я забыл, что Бог существует.
А он теперь живет во мне.
Ты не любишь смерть,
А она стучит,
Кто-то должен умереть.

Молитва

Церковь Святого Евстахия находится в самом центре города. Однако ее фасад теряется в шуме «чрева Парижа» – огромного рынка. Гораздо больше людей приходят на площадь не исповедоваться в церкви, а за овощами и фруктами, за мясом и рыбой, за хлебом и зеленью, за разговорами и встречами с соседями. Церковь возвышается над рыночной суетой и словно прислушивается к чужим тайнам.

Ленуар не относил себя к практикующим католикам. Сегодня он тоже пришел сюда не молиться. В театре сказали, что Бронислава Нижинская имеет обыкновение ходить на мессу в «рыночную церковь», которая находится неподалеку от «Шатле». И вот сыщик здесь.

Служба уже началась. Голоса хористов устремлялись вверх и, отражаясь от вытянутых готических сводов, от старинных витражей и окон в форме сердец, заполняли все пространство церкви неземными звуками. На деревянной кафедре были вырезаны скрипки и трубы, а нарочитые ноты органа убеждали всех присутствующих в том, что они принимают участие в священнодействии.

Нижинская сидела в дальнем углу слева. Девушка сосредоточенно слушала хор и с чувством повторяла «Аминь» после каждой молитвы. Когда Ленуар сел на соседнее место, она не сразу поняла, кто оказался с ней рядом.

– Мсье Ленуар? – удивилась Броня.

– Давно мы с вами не говорили. Вы часто ходите в церковь? – спросил Ленуар.

– Да, я прихожу сюда помолиться Святой Деве Марии. Обычно мы даже путешествуем с иконой Святой Богородицы. Нам ее подарила мать. Да, я всегда хожу в церковь. Это Вацлав называет церковь религиозным насилием. Он даже перед выходом на сцену никогда не крестится. Хорошо, что у него есть кому за него помолиться.

– Я как раз от Нижинского. Ваш брат всегда был таким свободолюбивым? – спросил Ленуар.

– Вы видели Вацлава? Как он?

– Жив и здоров.

– Ах... Ваца стал таким после ухода отца. С тех пор он совсем не уважает авторитеты и верит только в свою работу и искусство.

– Бронислава, вы ввели меня в заблуждение. Вы мне тогда сказали, что кто-то хочет убить Нижинского. Почему?

– Мне, наверное, не следовало этого делать. И сейчас Григорий уже мертв, а о мертвых плохо не говорят...

– Говорите правду. Говорите то, что знаете: в жизни есть очень мало вещей, которые я бы без сомнений отнес к плохим или хорошим.

Бронислава помяла платочек, а потом сложила его в карман и снова заговорила.

– Чумаковы жили на Николаевской улице, неподалеку от нас. Вацлав в то время уже давал частные уроки, и летом, когда ему было шестнадцать, он очень увлекся Тоней Чумаковой, сестрой Гриши. Они много гуляли вместе, отходили далеко от дома, до самой набережной Невы у Летнего сада. Тоня сильно простудилась и долго болела. Ваца бегал, умолял пропустить его к Тоне, но родители передали ему записку от девочки с просьбой не появляться в их доме. Чумаков потом всем говорил, что врачи запретили Тоне заниматься балетом, чтобы избежать нагрузок на организм. Так она бросила учебу, а потом все равно вышла замуж за танцовщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.